

Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII столѣтія.

(Новыя данныя, относящіяся къ исторіи этой Академіи за
указанное время).

(Продолженіе¹⁾).

ГЛАВА III-я.

**Задача академическаго образованія и средства ея выпол-
ненія (Пріемъ учениковъ; общесловесный ихъ составъ; воз-
растъ). Науки, преподававшіяся въ Академіи (преподава-
тели и сохранившіеся учебники). Общее направленіе ихъ.
Библіотека Академіи и внѣклассныя занятія учителей. Общее
состояніе нравственно-воспитательнаго дѣла въ Академіи
въ первой половинѣ XVIII вѣка.**

Для лучшаго усвоенія студентами философской и бого-
словской наукъ въ Кіевской Академіи въ первой половинѣ
XVIII вѣка изученіе ихъ сопровождалось классными коллокви-
умами или *диспутами*. Они, замѣняя собою экзерциціи и оккупа-
ціи низшихъ классовъ, были *недѣльными* (*sabbaticae*, называясь
такъ потому, что устраивались по субботнымъ днямъ), *мѣ-
сячными* (*menstruae*) и *заключительными* (*finales*), про-
изводившимися по окончаніи извѣстнаго цѣлостнаго отдѣла
науки, напр., по окончаніи въ философскомъ классѣ всей
логики, или по изложеніи въ богословскомъ курсѣ цѣлаго

¹⁾ См. Труды Академіи 1903 г., м. іюнь.

какого-либо трактата¹⁾. Диспуты велись студентами по очереди, определяемой профессоромъ и состоявшей не болѣе, какъ изъ четырехъ человекъ въ каждый разъ, при чемъ одинъ изъ диспутантовъ былъ дефендентомъ тезисовъ, назначавшихся для коллоквиума, а прочіе его оппугнантами²⁾. Предъ диспутомъ однимъ изъ его участниковъ произносилась орація³⁾ и краткая префація⁴⁾, посвященная главному предмету предстоявшихъ состязаній, которыми всегда руководилъ профессоръ. Иногда (кажется, дважды въ году: разъ—въ концѣ стараго или въ самомъ началѣ новаго *гражданскаго* года⁵⁾, а другой—въ концѣ *учебнаго* года⁶⁾) академическіе диспуты велись и публично въ присутствіи кiev-

¹⁾ Рукоп. библ. Киев. дух. Академіи, I. 11. 66. 7, л. л. 264 на оборотѣ—268: „Index cooperationum cum defendantibus et cum oppugnantibus“. Тутъ, во 1-хъ, приведены тезисы для (домашнихъ, вѣроятно) *начальныхъ* (initiales) философскихъ (изъ логики) прерій между студентами философій; во 2-хъ—для диспутовъ *мысленныхъ*, въ 3-хъ,—*субботныхъ* и, въ 4-хъ, для *заключительныхъ*, по окончаніи всей логики. Тезисы эти раздѣлены на группы (отъ 4-хъ до 12-ти въ каждой), и для каждой группы назначены по именамъ дефенденты (по одному) и оппугнанты (по три) изъ студентовъ-философовъ.

²⁾ См. предыдущее примѣчаніе.

³⁾ См. рукоп. библ. Черниговской дух. семинаріи (по описанію Лилеева отд. III, № 159), л. 278: Oratio magna de principiis corporis naturalis in genere ac speciatim de materia, dicta a me Gregorio Cholawka. A(nno) 1738 Novembris 28 die; и л. 287: Oratio magna pro disputationibus ex tractatu de distinctionibus 1738 A(nno) dictata.

⁴⁾ Praefationes ad menstruas disputationes, habitae in Kollegio Kievo-mohilaeano a magnifico domino Theodoro Jasnopolski... anno Domini 1705 die 11 Mai, a domino Wladimiro Lomikowski anno 1704 9 octobris, въ рукоп. библ. Києво-Печерской Лавры VII, 41; см. рукоп. библ. Киев. дух. Академіи J. 1. 42. 42 л. 392: Praefatio ad menstruas disputationes theologicas de fide, dicta anno Domini 1709 sub festum Epiphaniae coram Ill. Domino Metrop.

⁵⁾ Ibid., см. въ концѣ рукоп. библ. Києво-Михайл. мон. № 1691: Defensae et oblatae conclusiones a R. P. Innocentio Mihalewicz sacrae theologiae auditori et infimae professore .. 1737 Novembris 29.

⁶⁾ Рукоп. библ. Києво-Михайл. мон., № 1691: Theses..., defensae publice. 1733 die Julii 22.

скаго митрополита ¹⁾ и знатѣйшихъ кіевскихъ и случайно бывавшихъ въ Кіевѣ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ ²⁾). Для такихъ диспутовъ тезисы ихъ обычно печатались ³⁾, украшались разными виньетками и предъ открытіемъ состязаній подносились болѣе почетнымъ академическимъ гостямъ съ приличествовавшимъ каждому изъ нихъ особымъ посвященіемъ на самомъ списокѣ тезисовъ ⁴⁾). Наибольшею торжественностью отличались академическіе публичные диспуты, устраивавшіеся въ чрезвычайные дни академической жизни, напр., при посѣщеніи ея малороссійскими гетманами или членами Императорскаго дома ⁵⁾).

¹⁾ Рукоп. библ. Кіев. дух. Академіи J. 1. 42, 42, л. 392 (см. выше).

²⁾ Рукоп. библ. Кіев. дух. семинаріи VIII. 1. 88, л. 233: *Alia (oratio), ejusdem (1704) anni habita in praesentia magni Ducis Rossiae (т. е. гетмана Ивана Мазепы), ad menstruas disputationes, quibus aderat illustrissimus metropolita Kijoviensis, episcopus Pereiaslaviensis, metropolita Effrem Poigariensis, archimandrita et simul rector protunc Collegii Kijovo-Mohilaeani Eumenus S. Nicolai, insignis clerus et saeculares officiosi quam plurimi et caet a Domino Woynarowsky (л. 233—234).*

³⁾ 28 августа 1721 г. Св. Синодъ особымъ указомъ ректорамъ и префектамъ академій, запретилъ печатать богословскія и философскія конклявіи (или тезисы для диспутовъ) „допелѣже въ Синодѣ прежде объявлены будутъ“ („...се для опасенія, дабы когда въ таковыхъ конклявіяхъ благочестію нашему не было издано что противное“; Полн. собр. постан. и распор. по вѣдом. прав. исп. Росс. имперіи, т. 1, № 167, стр. 188). Объ отмініи этого указа Академія въ 1728 г. просила Синодъ чрезъ архіеп. Варлаама Ванатовича (*ibid.*, т. IV, № 2159, стр. 218).

⁴⁾ См. нѣсколько листовъ съ такими тезисами, украшеніями и посвященіями въ церковно-археологическомъ музеѣ при Кіевской дух. Академіи. При поднесеніи тезисовъ почетнымъ лицамъ, подносящій студентъ иногда произносилъ рѣчь, приличествовавшую такому случаю. См., напр., *Oratio impressa dedicatoria conclusionis oblatae illustrissimo Domino Joanni Mazepae Duci Magno Rossiae a domino Wladimiro Lomikowskj* (Рукоп. библ. Кіев. дух. семинаріи VIII, 1. 88, л. 232 на обор.—233; см. л. 236—237).

⁵⁾ Рукоп. библ. Кіев. дух. семинаріи VIII. 1. 43 Здѣсь говорится о посѣщеніи Академіи импер. Петромъ Великимъ въ 1709 г. и императрицей Елизаветой Петровной въ 1744 г. Тезисы для философскихъ диспутовъ, въ присутствіи послѣдней, были отпечатаны во Львовѣ (два экземпляра ихъ есть въ библ. Кіев. дух. Акад.).

Многіе изъ студентовъ неаккуратно являлись на диспуты, что, конечно, и отражалось на ихъ знаніи невыгоднымъ образомъ. (Поэтому митр. Тимошей Щербакій въ 1752 г. вынужденъ былъ приписать Академіи особыя мѣры къ побужденію нерадивыхъ философовъ и теологовъ внимательно относиться къ диспутамъ, „установленнымъ ради ихъ самихъ пользы“ ¹⁾).

Изученіе языковъ—греческаго, нѣмецкаго и еврейскаго, введенное въ академическій курсъ въ 1738 году митр. Рафаиломъ Заборовскимъ ²⁾, шло въ Академіи параллельно. На первыхъ порахъ и самое преподаваніе ихъ велось съ 1738 почти до конца іюня 1742 г. ³⁾ однимъ учителемъ Симономъ Тодорскимъ,—какъ говоритъ Аскаченскій ⁴⁾, уче-

¹⁾ Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад. собр. В. Аскаченскимъ, т. I, д. № 46.

²⁾ См. предисловіе къ философскому курсу, начатому въ августѣ 1739 г. (по рукописямъ Кіево-Печерской Лавры X, 70 и Лав. 47), гдѣ о преподаваніи этихъ языковъ говорится, какъ о дѣлѣ уже введенномъ въ Академіи митроп. Р. Заборовскимъ ранѣе августа 1739 года. См. ниже заглавіе нѣмецкой грамматики, переписанной въ Кіев. Академіи 7 ноября 1738 года. Это заглавіе прямо говорить, что въ 1738 г. нѣмецкій языкъ (одновременно съ которымъ введено и преподаваніе еврейскаго и греческаго языковъ) преподавался въ Кіевской Академіи. См. Архивъ Кіев. дух. консист., Реестръ бумагъ, входившихъ въ канцелярію Кіев. митрополита въ 1739 г. Тутъ, подъ № 8, отъ 23 января записано „доношеніе отъ Симона Тодорскаго, учителя школы греческой, съ прошеніемъ о принятіи его въ катедральный монастырь для полученія монашества“. (Самое доношеніе см. въ архивѣ Кіев. дух. консист., д. 1739 г. № 7; содержаніе этого доношенія см. въ дѣлѣ архива Св. Синода 1739 г., марта 29, № 193). Въ томъ же консисторскомъ архивѣ, въ реестрѣ бумагъ, исходившихъ изъ канцеляріи митрополита въ 1740 г., подъ № 1102, отъ 12 сентября записано: „свидѣтельствовавшая грамота дана о посвященіи монаха катедральнаго монастыря С. Тодорскаго во іеромонахи“. См. VII прилож. къ нашему настоящему изслѣдованію.

³⁾ Архивъ Кіев. дух. консист., Реестръ бумагъ, исходившихъ изъ канцеляріи Кіев. митрополита въ 1742 г.; здѣсь подъ № 649, отъ 23 іюня, записано: „донесеніе въ Св. Синодъ о высылкѣ въ Москву іеромонаха Симона Тодорскаго“.

⁴⁾ „Кіевъ съ древн. училищемъ его Академією“, ч. 2, стр. 142—144; см. VII прилож. къ нашему настоящему изслѣдованію.

никомъ и другомъ Михаэлиса, извѣстнаго ориенталиста того времени.

Конечно, преподаваніе трехъ языковъ однимъ лицомъ, какъ оно велось Тодорскимъ, было большимъ бременемъ для учителя, да и не всегда возможно было пайти человѣка, который бы могъ преподавать всѣ ихъ. Это, очевидно, сознавали и академическая корпорація и митрополитъ Рафаилъ Заборовскій. По крайней мѣрѣ, въ августѣ 1743 года, въ „опредѣленіи“ учителей на предстоявшій учебный годъ, митр. Рафаилъ Заборовскій писалъ: „нѣмецкаго языка мѣсто спустить на имя Леонтовича“¹⁾. Мѣсто это не было замѣщено Леонтовичемъ (см. ниже), потому что въ слѣдующемъ 1744 г. въ доношеніи въ св. Синодъ митроп. Заборовскаго (при ходагайствѣ о выдачѣ жалованья учителямъ Киевской Академіи наравнѣ съ учителями Московской) учрежденіе учителя нѣмецкаго языка, отдѣльно отъ еврейскаго и греческаго, имѣется еще лишь въ виду²⁾. Уже въ 1746 г. мы видимъ назначеніе отдѣльныхъ преподавателей языковъ еврейскаго, нѣмецкаго и греческаго³⁾. Такъ какъ изученіе этихъ языковъ было предоставлено лишь желавшимъ изъ студентовъ трехъ старшихъ классовъ⁴⁾, то, разумѣется, число изучавшихъ языки было не велико, тѣмъ болѣе, что въ изуче-

¹⁾ Акты Києво-Братъ училищъ мон. и Академіи, собр. В. Аскоченскимъ, т. 1, л. 215 на обор. Это, вѣроятно, іеродіаконъ Антоній Леонтовичъ, упоминаемый въ спискѣ студентовъ богословія 1742 г. (рукоп. библи. Киев. дух. Акад. J. 1. 13. 13, л. 116 на обор.), бывшій, слѣдовательно, ученикомъ Тодорскаго. Впрочемъ, въ томъ же спискѣ упоминается и другой Леонтовичъ—Теодоръ.

²⁾ См. выше, во II главѣ выписку изъ этого доношенія; копія доношенія передана нами въ библи. Церк.-Арх. музея при Киев. дух. Акад.

³⁾ Акты Києво-Братъ училищъ мон. и Академіи, собр. В. Аскоченскимъ, т. 1, л. № 28.

⁴⁾ Рукоп. библи. Києво Печерской Лавры X, 70, въ пролозіи—въ кѣмъ говорится (Мих. Козачинскимъ), что еврейскій, греческій и нѣмецкій языки „дѣлательно преподаются между избранными и учеными юношами (Киевской Академіи), грамматически изучаются и ежедневно по извѣстному методу изъясняются“; ср. В. Аскоченскаго „Кіевъ съ древн. его училищъ Академіею“, ч. 2, стр. 245—6.

ніи ихъ студенты не видѣли для себя ощутительной практической пользы.

Самое преподаваніе этихъ языковъ въ Академіи стояло на достаточно удовлетворительной степени (если принять во вниманіе, что блестящему ихъ изученію сильно препятствовала матеріальная бѣдность Академіи, лишавшая ее возможности имѣть необходимое количество даже и плохихъ „ордinarныхъ лексиконовъ“ ¹⁾), доказательствомъ чего могутъ служить дошедшія до насъ письма студентовъ Академіи изслѣдуемой нами эпохи на греческомъ и нѣмецкомъ языкахъ ²⁾).

Курсъ изученія *греческаго языка* продолжался три года. Такъ, *Симономъ Тодорскимъ* въ 17³⁸₃₉ г. была преподаана греческая грамматика, въ 17³⁹₄₀ г. синтаксисъ, просодія подъ заглавіемъ: „Institutiones de syllabarum dimensione seu prosodia... graecae poëseos“, и Institutiones de dialectis graecae linguae“; въ 1741 г.—„Elegantiae graecae linguae seu formulae bene et ornate dicendi“ (нѣчто въ родѣ латинскихъ „школьныхъ разговоровъ“) ³⁾. Послѣ Тодорскаго, съ 17⁴²₄₃ учеб. года ⁴⁾ и, кажется, до 3 мая

¹⁾ На недостатокъ хорошихъ лексиконовъ въ академической библіотекѣ жаловался учитель еврейскаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ Константинъ Крижановскій въ юлѣ мѣсяцѣ 1758 г. въ своемъ отношеніи къ тогдашнему префекту Академіи Архивъ Кіев. дух. конс., д. 1758—9 г., № 36.

²⁾ См. напр., въ библи. Псковской дух. семинаріи (Щ. ²₄₁ „Письма и штормы мелкія бумаги, принадл. Симону Тодорскому“, между которыми есть нѣсколько писемъ къ неку студентовъ Кіевской Академіи (13, 14); одно изъ нихъ писано на греческомъ языкѣ студентами Данииломъ Галаховскимъ, Григоріемъ Стриндою, Григоріемъ Конисскимъ, Тимофеемъ Медицкимъ, Григоріемъ Гиневскимъ и Тихономъ Софоновичемъ, 20 апрѣля 1742 г.

³⁾ Рукоп. библи. Кіево-Печерской Лавры XII, 130; рукоп. библи. Кіев. дух. Акад. S. 1. 56. 56 (Н. И. Петровъ, Описан. рукоп. церк. Арх. музея стр. 29 - 30. № 67); рукоп. Чернигов. дух. семин. № 195 (по описанію Лилеева, стр. 211).

⁴⁾ См. въ архивѣ Кіев. дух. консист., д. 1742 г., № 128 (опредѣленіе учителей на 17⁴²₄₃ учеб. годъ); см. дѣло того же архива 1743 г., № 20 (о наставленіи въ православной вѣрѣ еврей Мошко Шломовича), изъ коего видно, что отъ 3 марта до середины іюня 1743 г. учителемъ греческимъ былъ Варлаамъ Лашен-

1747 г. ¹⁾ греческій языкъ преподавалъ *Варлаамъ Лящевскій* ²⁾. При немъ съ 1746 года была введена въ Академіи въ руководство при изученіи греческаго языка уже печатная грамматика, изданная въ Бреславлѣ подъ именемъ Лящевского ³⁾, замѣнившая собою выдававшіяся прежде записи преподавателей. Наконецъ, съ 1747⁴⁷ г. греческому языку въ Академіи обучалъ (одновременно учительствовав-

скій; см. Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собран. В. Аскоченскимъ, т. I, д. № 22 (назначеніе учителей на 1743/44 учеб. годъ); „опредѣленіе“ учителей на 1744/45 (у профес. С. Т. Голубева); см. сказанное о Лящевскомъ ниже.

¹⁾ См. о немъ въ 1-й главѣ нашего изслѣдованія

²⁾ Въ „опредѣленіи учителей“ на 1746/47 учеб. годъ (Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. I, д. 28) преподаваніе греческаго языка возлагалось на Іоанна Мокіевскаго. Мокіевскій въ означенномъ году преподавалъ въ грамматикѣ. (См. 3-ю главу настоящаго изслѣдованія, примѣчаніе въ рѣчи объ учителяхъ аналогіи Іоаннѣ Кременецкомъ и Іоаннѣ Прошевскомъ). Такъ какъ онъ былъ, вѣроятно, больной (онъ умеръ въ томъ же учеб. году; см. тамъ же), то мы думаемъ, что греческій языкъ едва ли онъ преподавалъ; скорѣе это преподаваніе велъ Варлаамъ Лящевскій, прежній учитель. Если же Мокіевскій и обучалъ въ которое время греческому языку, то по смерти Мокіевскаго преподаваніе греческаго языка было возложено на Варлаама Лящевского. (Что преподаваніе этого языка велось въ апрѣлѣ 1747 года, видно изъ того, что 4-го числа этого мѣсяца Кіевскому митрополиту Тимоѳею Шербацкому было подано „доношеніе отъ учениковъ школы философіи, риторики и прочихъ, съ прошеніемъ, кому надлежитъ, приказать, дабы имъ на покупки греческихъ грамматикъ денегъ было выдано“. См. въ архивѣ Кіев. дух. консист. Реестръ дѣлъ, вхожихъ въ канцелярію митрополита 1747 года. Въ реестрѣ при указанной записи замѣчено: „посланъ о томъ къ префекту іеромонаху Варлааму указъ по резолюціи Его Преосвященства“).

³⁾ Справедливость требуетъ замѣтить, что грамматика Лящевского представляеть собою буквальное повтореніе лекцій Тодорскаго *Rudimenta linguae graecae*... Это даетъ чувствовать и самъ Лящевскій, писавшій въ предисловіи своей грамматики: „Сколько... пользы, если къ изученію грамматики присоединять чтеніе Св. Новозавѣтнаго кодекса, предписанное методомъ, которымъ, равно какъ и остальными пособіями къ изученію этого священнаго языка, сколько учащихся, столько и учащиеся исцѣло обязаны славявшиму... Симону Тодорскому, бывшему предъ тѣмъ въ Кіев. Академіи учителемъ, вѣрнѣе—и первымъ и трудолюбивѣйшимъ отцомъ священныхъ языковъ“. (См. экземп. его грамматики въ библ. Кіев. дух. Акад. Уч. 5, 56).

ній и въ ординарныхъ классахъ) *Григорій Щербацкій* ¹⁾).

На изученіе *нѣмецкаго языка* полагалось два года: въ первый годъ изучалась орфографія и этимологія, во второй синтаксисъ и просодія. Изученіе его велось, какъ видно изъ заглавій рукописныхъ лекцій того времени ²⁾, по руководствамъ печатнымъ, которыя, быть можетъ, упрощались или дополнялись преподавательскими записками.

Извѣстій о преподаваніи въ Академіи нѣмецкаго языка послѣ Симона Тодорскаго нѣтъ. Мы думаемъ, что съ 17⁴²₄₃ учеб. года и до 17⁴⁵₄₆ или же до 17⁴⁶₄₇ учеб. года языкъ этотъ не изучался въ Академіи. Въ „опредѣленіи“ учителей на 17⁴²₄₃ учеб. годъ. ³⁾ объ учителѣ нѣмецкаго языка нѣтъ рѣчи. ⁴⁾ На 17⁴³₄₄ учеб. годъ преподаваніе нѣмецкаго языка имѣется въ виду предоставить Леонтовичу. ⁵⁾ Но онъ не учительствовалъ въ 17⁴³₄₄ году. ⁶⁾ Въ „опредѣленіи“ учителей на 17⁴⁴₄₅ уч. годъ (оно имѣется у проф. С. Т. Голубева) о Леонтовичѣ и вообще объ учителѣ нѣмецкаго

¹⁾ Архивъ Св. Синода, д. 1745 г., ноября 29, № 187. См. III ю глазу настоящаго изслѣдованія, списки учителей аналогич.

²⁾ „Грамматика къ обученію языка нѣмецкаго съ надлежащими его правилами грамматическими и по примѣру грамматики въ преславной Санкт-петербургской Академіи напечатанной издавнанъ въ Академіи Кіевской року 1738 ноября 7 дня“ (рукоп. библ. Кіев. дух. Академіи Р. Муз. № 501).

³⁾ Арх. Кіев. дух. конс., д. 1742 г., № 128 („опредѣленіе“ неполное и притомъ черновое).

⁴⁾ Греческій языкъ въ этомъ году (вѣроятно, и *еврейскій*, потому что въ позднѣйшее время еврейскій языкъ преподавалъ вмѣстѣ съ греческимъ іером. Варлаамъ Лящевскій) преподавалъ іером. Варлаамъ Лящевскій (Арх. Кіев. дух. конс., д. 1743 г., № 20, гдѣ указывается, что отъ 3-го марта до срединъ іюля 1743 года *учитель греческій* Варлаамъ Лящевскій наставлялъ въ истинахъ православія еврея Мошко Шломоновича).

⁵⁾ Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собр. В. Асоченскимъ, т. I, д. № 22.

⁶⁾ Мы имѣемъ лишь указанія о томъ, что въ декабрѣ 1743 г. въ Академіи былъ „азиатскій учитель одинъ“ лишь (разумѣется, Лящевскій); что одинъ онъ былъ и въ февралѣ 1744 года, при чемъ учрежденіе особаго нѣмецкаго учителя

языка нѣтъ рѣчи, при назначеніи іером. Варлаама Лящевскаго въ этомъ „опредѣленіи“ преподавать въ 17⁴¹₄₅ г. еврейскій и греческій языки. Нѣтъ упоминанія объ учителѣ нѣмецкаго языка (равно и другихъ языковъ) и въ „опредѣленіи“ (оно имѣется у С. Т. Голубева) учителей на 17⁴⁵₄₆ уч. годъ.

Въ „опредѣленіи“ учителей на 17⁴⁶₄₇ уч. г. ¹⁾ преподавать нѣмецкій языкъ возлагается на Михаила Максимовича (Можетъ быть, Максимовичъ преподавалъ этотъ языкъ и въ 17⁴⁵₄₆ уч. г.) ²⁾.

Какъ велось въ Академіи преподаваніе *еврейскаго языка*, объ этомъ не сохранилось никакихъ современныхъ

въ Академіи только имѣется въ виду (См. во II-й главѣ настоящаго изслѣдованія выписки изъ доношенія ректора архим. Сильвестра Кулябки митр. Рафаилу Заборовскому, отъ 17-го декабря 1743 г.; и изъ доношенія митроп. Рафаила Заборовскаго въ Св. Синодъ, въ февралѣ 1744 года).

¹⁾ Акты Кіево-Брат. уч. мон. и Акад., соб. В. Аскоченскимъ, т. I, д. № 28.

²⁾ Въ архивѣ Кіев. дух. конс., въ спискѣ 1760-хъ годовъ „*О архидіаконахъ каведры митрополита Кіевскіа*“ читаемъ: „1749 г. Архидіаконъ Манассія Максимовичъ; онъ уроженецъ полку Маргородскаго, мѣстечка Сорочинецъ, сынъ отца званія посполитого; обучался въ Кіевской Академіи отъ аналогіи до богословія; философію слушалъ у прѣфекта іером. Михаила Козачинскаго. окончилъ опую 1741 г. іюня мѣсяца, а 1745 г. сентября мѣсяца опредѣленъ учителемъ языковъ еврейскаго и нѣмецкаго, и слушалъ богословія у прѣфекта іером. Варлаама Лящевскаго по 1746 г. мѣсяцъ іюль; еврейскую и нѣмецкую школу преподавалъ онъ 4 года, а 1749 года въ Петровъ ностъ постриженъ въ Кіево-Софійскомъ мон. въ монаха и того жъ года произведенъ во архидіакона, въ якомъ чинѣ будучи, онъ нѣскольго мѣсяцевъ ѣздить было изъ Капедральнаго мон. для преподаванія школы еврейской и нѣмецкой; потомъ онъ 1755 г. сентября 1 рукоположенъ во іеромонаха, и того жъ сентября 8 дня 1755 г. произведенъ во Братскій мон. во игумена и опредѣленъ богословія учителемъ и Кіевской Академіи ректоромъ; потомъ 1753 г. ноября 25 произведенъ онъ... во архимандрита“ (См. Арх. Св. Синода, д. 1745 г., ноября 29, № 187, выписка изъ него приведена нами выше; и д. 1754 г., № 189, въ которомъ сказано, что Максимовичъ возведенъ 1 сентября 1755 г. во іеромонаха, 8-го во игумена и 25 ноября — во архимандрита) Кіево-Братскаго монастыря.

извѣстій. Изъ позднѣйшихъ же данныхъ ¹⁾ видно, что въ первый годъ изучалась грамматика, во второй—синтаксисъ языка, при чемъ читалось Пятокнижіе Моисея. Учебникомъ, несомнѣнно, служила грамматика Генриха Михаэляса, въ то время бывшая наилучшимъ учебнымъ руководствомъ. По крайней мѣрѣ, ею пользовались въ Кіевской Академіи студенты уже въ 1744 году, что видно изъ слѣдующей надписи, сдѣланной на одномъ экземплярѣ еврейской грамматики, принадлежащей библиотекѣ Кіевской Духовной Академіи: „Timotheus Sczerbacky emit hunc librum sui clienti et obligato mihi Gregorio Sczerbacky 1744 г. 25 апр...“ ²⁾ Послѣ *Тоборскаго* (1738—1742 г.г.) и *Лящевскаго* (17⁴²₄₃—17⁴⁵₄₆ учеб. г.) ³⁾ преподаваніе еврейскаго языка велось *Манассіею Максимовичемъ* (17⁴⁶₄₇—1750 уч. г.) ⁴⁾, а затѣмъ было

¹⁾ Отчетъ Академіи 1759 г., поданный митр. Арсенію Могиланскому: „обыкновенно курсъ еврейскаго ученія кончится всегда въ два года“. (Акты Кіево-Брат. уч. мон. и Акад., собр. В. Асхоченскимъ, т. 2, стр. 365.)

²⁾ См. по систематическому каталогу книгъ библиот. Кіев. дух. Акад., т. 1, № 1098, стр. 133: „Michaelis Joh. H. Erleichterte hebräische grammatica oder richtige Anführung zur hebräischen Sprache. Halle im Magdeburgischen, 1738, 8-о, А Ш ⁸/₁₇₄“.

³⁾ Акты Кіево-Брат. уч. мон. и Акад., собр. В. Асхоченскимъ, т. 1, д. д. №№ 22 и 28.

⁴⁾ Думаемъ, что извѣстіе приведенной нами выше записи „О(бъ) архидіаконахъ кафедръ митрополіи Кіевскія“ не точно въ указаніи времени, съ какова Максимовичъ началъ преподавать *еврейскій* языкъ (Относительно преподаванія имъ нѣмецкаго языка см. выше). Въ „опредѣленіи учителей (отъ 26 августа 1746 г.) на 17⁴⁶/₄₇ учеб. годъ назначается учителемъ (богословія и) *еврейскаго* языка Варлаамъ Лящевскій (греческаго Іоаннъ Мокіевскій), а Михаилъ Максимовичъ только учителемъ *нѣмецкаго* языка. Въ виду того, что Лящевскій въ 17⁴⁴/₄₅ г. преподавалъ *еврейскій* и греческій языки (Арх. Кіево-Печер. Лавры, 3-я связка дѣлъ, гдѣ есть подъ разными бумагами подписи Лящевскаго, какъ „священникъ языковъ еврейскаго и греческаго“ учителя, отъ 3 марта, 15 и 26 іюня и 16 августа 1745 г.), и что онъ же предназначается преподавать *еврейскій* языкъ на 17⁴⁶/₄₇ уч. г., мы полагаемъ, что онъ преподавалъ еврейскій языкъ и въ 17⁴⁵/₄₆ учеб. г. Отсюда выводимъ, что Максимовичъ могъ начать преподаваніе еврейскаго языка съ сентября 1746 г. но не 1745 г. (какъ говорится въ

возложено, кажется, на ученика Лящевского ¹⁾ *Іоанна* (въ монашествѣ Іоакима) *Павинскаго*, который, уже въ санѣ іеромонаха, по точнымъ извѣстіямъ, ²⁾ былъ учителемъ еврейскаго языка въ ноябрѣ 1750 года.

Вотъ и всѣ науки, составлявшія собою образовательный курсъ Кіевской Академіи въ первой половинѣ XVIII вѣка. Степень усвоенія каждой изъ нихъ Академія протвѣряла еже-

приведенномъ извѣстии). Такъ какъ въ 1746/47 уч. году Лящевскій состоялъ префектовъ (см. 1 главу настоящаго изслѣдованія) и учителемъ богословія (см. списокъ учителей богословія), почему ему, вѣроятно, преподавать еврейскій языкъ (тѣмъ болѣе, что онъ же, вѣроятно, въ этомъ году велъ и преподаваніе греческаго языка) было некогда, то съ осени 1746 г. учителемъ еврейскаго языка могъ быть назначенъ Максимовичъ (быть можетъ, уже обучавшій нѣмецкому языку). Но такъ какъ намъ извѣстно (помимо приведенныхъ словъ изъ консисторскаго документа), что Максимовичъ постриженъ въ монашество позже сентября 1748 года (въ доношеніи митр. Тимофея Щербачкаго Св. Синоду въ сентябрѣ 1748 г. Михаилъ Максимовичъ именуется еще мірскимъ человекомъ; между тѣмъ онъ не помѣщается въ томъ же доношеніи митрополита въ списокъ мірскихъ учителей Академіи 1746/47 уч. г., а только въ списокъ учителей 1747/48 г.), то мы вопросъ о томъ, преподавалъ ли Максимовичъ еврейскій языкъ въ 1746/47 уч. г. оставляемъ открытымъ... Признать Максимовича въ этомъ году учителемъ нѣмецкаго языка (какъ требуетъ того „опредѣленіе“ учителей на 1746/47 уч. г., и, затѣмъ, *еврейскаго* (предполагая, — въ виду словъ консисторскаго списка объ этомъ преподаваніи, — въ виду словъ консисторскаго списка объ этомъ преподаваніи, — что Лящевскій могъ отказаться въ 1746/47 г. отъ обученія еврейскому языку) можно было бы, допуская предположеніе, что м. Тимофей Щербачскій въ своемъ доношеніи Синоду сѣтуетъ на недостатокъ въ 1746/47 г. монаховъ — профессоровъ въ *ординарныхъ* школахъ Академіи, не упоминая о томъ, мірскія лица или монахи преподають языки. Но допустить это трудно, въ виду непосредственно идущихъ словъ митрополита относительно положенія академическихъ дѣлъ въ 1747/48 уч. г.: „въ слѣдующій 1747 (т. е. 1747/48 учеб.) годъ прибавилось (слѣд., раньше, въ 1746/47г., — въ которомъ о Максимовичѣ митрополитъ и не упоминаетъ, — не было) число мірскихъ учителей: пять уже стало: еврейскаго и нѣмецкаго языка Михаилъ Максимовичъ, синтаксими Григорій Щербачскій, который, притомъ, и греческаго языка обучалъ“... и т. д.

¹⁾ Рукоп. библи. Иркутской духовной семинаріи № 21, л. 162 на оборотѣ. (Труды Кіев. дух. Академіи, 1892 г., т. Т, № 21, стр. 311.).

²⁾ Архивъ Кіев. дух. консист., д. 1750 г., № 1636, гдѣ говорится, что учитель „школы еврейскія“ І. Павѣнскій руководилъ новопоставленными іереями, въ ноябрѣ 1750 года.

годными испытаніями студентовъ или экзаменами, послѣ которыхъ собственно происходилъ переводъ воспитанниковъ изъ одного класса въ другой. Какъ производились эти экзамены —однимъ ли профессоромъ въ его школѣ, или нѣсколькими, неизвѣстно. Вѣроятно же всего въ низшихъ классахъ они велись только ихъ учителями, каждымъ въ своемъ классѣ; а въ двухъ старшихъ—въ присутствіи префекта, ректора а иногда и митрополита. При этомъ въ низшихъ классахъ испытанія были устные и письменныя¹⁾, а въ двухъ старшихъ лишь устные, состоявшія въ диспутахъ. И въ концѣ всего академическаго ученія, показателемъ, насколько оно „тщательно и разумно“ усвоялось студентомъ, признавалась „отправленная похвально“ послѣднимъ „разсудительная диспута“ по богословію²⁾.

Окончившіе академическій курсъ получали аттестатъ. Точной и постоянной формы для этихъ аттестатовъ не было;³⁾ они удостовѣряли, что „объявители“ (предъявители) ихъ выслушали полный курсъ академическаго ученія.

Примѣчаніе. О распредѣленіи времени классныхъ занятій въ Академіи въ изслѣдуемый нами періодъ не сохранилось достаточныхъ данныхъ. Можно сказать только одно, что занятія въ классахъ были какъ утреннія, такъ и послѣобѣденныя (Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. 1 д. № 9; см. „Труд. Кіевск. духов. Академіи“, 1892 г. октябрь, стр. 309, № 4, л. 209; см. VIII прилож. къ настоящему изслѣдованію.) Равнымъ образомъ не дошло до насъ никакихъ документальныхъ

¹⁾ „Кіевская Старина“, 1896 г. февраль, стр. 180, примѣч.

²⁾ Рукоп. библи. Кіев. дух. Акад., Р. Муз., № 650, дѣла 1739 года.

³⁾ Въ X приложеніи къ своему настоящему труду мы приводимъ образецъ таковаго аттестата.

извѣстій и о классныхъ порядкахъ (Общія краткія свѣдѣнія о нихъ, не лишеныя, по нашему мнѣнію, ядиллическаго характера, скорѣе умѣстнаго въ школахъ съ малолѣтними дѣтьми, чѣмъ въ Академіи, вмѣщавшей въ своихъ аудиторіяхъ довольно взрослыхъ людей, — изложены митроп. Евгеніемъ, описавшимъ ихъ со словъ старожиловъ; см. Прилож. къ Описан. Кіево-Софійск. собора и Кіев. іерархіи, стр. 219 и д.¹⁾). Характернымъ явленіемъ въ школьной жизни Академіи было существованіе такъ называемыхъ аудиторовъ. Они назначались изъ лучшихъ учениковъ (См. Инструкцію митр. Рафаила Заборовскаго, п. VII, у В. Аскаченскаго „Кіевъ съ древн. его училищемъ Академію“, ч. 2, стр. 104.) въ помощь учителямъ низшихъ классовъ, не имѣвшимъ возможности переспросить даже десятой части изъ ста или полуторасотъ человекъ бывавшихъ въ этихъ классахъ. Ученики каждого класса распредѣлялись между своими аудиторами приблизительно поровну. Списки учениковъ, подлежащихъ вѣдѣнію аудитора, назывались нотатой. Предъ урокомъ аудиторъ выслушивалъ своихъ учениковъ и въ нотатѣ противъ фамилій дѣлалъ помѣтки, насколько каждымъ усвоенъ урокъ. Отмѣтки дѣлались такъ: scit, nescit, non tota, errabat, aeger (боленъ) prorsus nescit (совершенно ничего не знаетъ) и т. п. (Часть аудиторской нотатки сохранилась на переднемъ оберточномъ

¹⁾ Намъ кажется, что сказанное митроп. Евгеніемъ о классныхъ порядкахъ Академіи изображаетъ таковыя за вторую половину XVIII ст.

листь рукописи Кієво-Михайловскаго монастыря № 1730). Кромѣ обычныхъ нотать, существовала генеральная, вручавшаяся генеральному аудитору (*auditor auditorum*), которому поручались для выслушиванія другіе аудиторы. Генеральный аудиторъ обязанъ былъ представлять профессору, когда онъ явится въ классъ, нотаты всѣхъ младшихъ аудиторовъ. Профессоръ, сидя на кафедрѣ, — имѣвшей видъ огражденнаго со всѣхъ сторонъ возвышенія, съ дверкою и спинкою, въ родѣ церковнаго кіота (Въ церковно-археологическомъ музеѣ при Киевской духовной Академіи сохранилась подобная кафедра начала XIX в. Думаемъ, что въ изслѣдуемое нами время академическія кафедры были такія же.), — просматривалъ отмѣтки, провѣрялъ нѣкоторыя, и опредѣлялъ наказаніе тѣмъ ученикамъ, противъ фамилій которыхъ стояло *nescit*. Провѣрка пройденнаго производилась по субботамъ, почему и наказанія за малоуспеѣшность носили названіе субботниковъ — *sabbativa* („Труды Кієв. духов. Акад., 1892 г., октябрь, стр. 309, № 4, л. 134 на оборотѣ).

Направленіе всѣхъ наукъ академическаго курса, какъ видно изъ представленной нами общей характеристики ихъ, было, можно сказать, чисто формальнымъ. Во все время своего образованія въ Академіи студентъ долженъ былъ вращаться почти въ однѣхъ формахъ: отъ формъ языка онъ переходилъ къ формамъ цѣлительской и риторической рѣчи, отъ формъ рѣчи — къ формамъ мысли; наконецъ, всѣ эти формы онъ пріучался прилагать къ разнымъ богословскимъ

положеніямъ, которыя и являлись почти единственнымъ ихъ содержаніемъ. Боле или мене положительныя свѣдѣнія студенты, слѣдовало бы ожидать, могли получить изъ физики. Но и отъ нея въ этомъ отношеніи нельзя было требовать желательнаго удовлетворенія. Входя въ составъ философіи, которая въ Академіи по средне-вѣковой традиціи трактовалась какъ *ancilla theologiae*, физика была наукою не положительно-эмпирическою, а спекулятивной (*scientia proprie talis, speculativa versans circa corpus naturale, ut naturale est*¹⁾), строившеюся изъ компиляціи разныхъ комментаріевъ на физику Аристотеля, а потому нерѣдко сообщавшею немало вздорныхъ и баснословныхъ сказаній.

Разумѣется, такое направленіе академическаго образованія въ первой половинѣ XVIII-го вѣка нельзя назвать высокимъ, но и осуждать за него Академію съ исторической точки зрѣнія нельзя. (Академія, и при такомъ направленіи своего образованія принесла въ то время неоцѣнимую пользу Православной церкви и русскому просвѣщенію).

Академія держалась отмѣченнаго нами направленія въ образованія потому, что оно въ то время было господствовавшимъ въ наиболѣе популярныхъ тогда латяно-польскихъ іезуитскихъ и піарскихъ школахъ. Выступивши въ противовѣсь имъ, чтобы прекратить стремленіе туда русскихъ юношей и тѣмъ сохранить ихъ членами православной церкви, Академія видѣла лучшее (легчайшее) средство для достиженія своей задачи во введеніи у себя по возможности всего того, что было тамъ, и что манило туда русскихъ юношей (сообщивъ лишь всему вводимому духъ, соответствовавшій своимъ православнымъ цѣлямъ). Конечно, поступивши такъ, Академія не ошиблась. Ставъ такимъ путемъ почти на одномъ учебно-

¹⁾ „Философія Аристотелева по умствованію перипатетиковъ... публѣчными диспутами освѣдѣтельствованная“...., Мих. Козачинскаго, 1745 г., Львовъ. (въ библ. Кіев. дух. акад. В. 510).

образовательномъ уровнѣ съ латино-польскими школами, и сообщая въ своихъ аудиторіяхъ почти то же, что могли дать и онѣ, Академія тѣмъ самымъ отвлекла отъ нихъ православныхъ юношей¹⁾. И, замѣтимъ, Академія не обольщалась своимъ успѣхомъ, приобретаемымъ такимъ путемъ. Въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей она все-таки сознавала, что достигаетъ своей цѣли хотя и вѣрными, но сравнительно не высокими приѣмами, рабствуя предъ латино-польскою ученостію; признавала, что эта ученость не такъ высока, чтобы на ней успокоиться, и была убѣждена, что ей самой необходимо стать на самостоятельную научную дорогу. Выразителемъ этого сознанія въ изслѣдуемое время былъ Ѳ. Прокоповичъ, рѣзко осудившій латино-польское направленіе академической науки, самъ почти всю ее поставившій на новый, болѣе высокій, путь, и своимъ соработникамъ — профессорамъ Академіи, оставляя ихъ, давшій совѣтъ: *„не идти только по дорогѣ, протоптанной другими учеными, но слѣдовать самостоятельнымъ научнымъ воззрѣніямъ*, которыя, рождая солидную ученость, образуютъ знатоковъ, а не торговцевъ науки. Такого рода самостоятельныя научныя воззрѣнія, — говорилъ онъ, — никогда не стыдились являться предъ обществомъ, и просвѣщенному міру уже опротивѣла до тошноты (если можно такъ выразиться) та наука, которая не истекаетъ изъ первоначальныхъ источниковъ, но капля по каплѣ въ испорченномъ видѣ течетъ сквозь пожелтѣвшую бумагу изъ болотъ неискусныхъ потѣшныхъ учителей (скомороховъ — *ludimagistrorum*), и не оставляетъ въ умахъ чловѣческихъ ничего, кромѣ глупаго убѣжденія въ собственной мудрости, какого-то мрака, сновидѣнія и призрачности“²⁾... Безпорочную цѣну дѣла Прокоповича для академической на-

¹⁾ См. ниже.

²⁾ Такъ писалъ Прокоповичъ профессорамъ Кіевской Академіи предъ своимъ посвященіемъ во епископа, сложивъ съ себя званіе ея ректора. См. „Труды Кіев. дух. Академіи“, 1865 г., т. I, письмо 3-е, стр. 158.

уки и несомнѣнную справедливость указаннаго имъ ей пути профессора Академіи не могли не признавать, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ мы видѣли, въ изложеніи академическихъ наукъ слѣдовали лекціямъ Ѡ. Прокоповича¹⁾. Но ни одинъ изъ нихъ все-таки не смогъ пойти личнымъ самостоятельнымъ усердіемъ по дорогѣ, открытой и начатой великимъ новаторомъ, чтобы внести хоть слабую лепту своего труда на созданіе собственной православно-русской науки, которая бы стала выше латино-польской; а большинство ихъ,—и вполне спокойно и увѣренно, какъ бы совѣтъ не зная про дѣло Прокоповича,—шло въ своихъ лекціяхъ по традиционной до-Ѡеофановской стезѣ.

Главную причину этому, по нашему мнѣнію, была матеріальная бѣдность Академіи въ изгѣдуемое нами время. Она лишала Академію всякой возможности быть знакомой съ лучшими теченіями въ наукѣ, зарождавшимися тогда въ западной Европѣ. Профессора Кіевской Академіи были всѣ ея же учениками, иногда бывавшими (напр., кажется Иннокентій Поповскій²⁾, Гedeонъ Одорскій³⁾, Гedeонъ Вишневскій⁴⁾,

¹⁾ См. выше.

²⁾ См. выше.

³⁾ См. статью С. Т. Голубева объ Одорскомъ, въ Тр. Кіев. д. Академіи. 1900 г., № 12.

⁴⁾ В. Асжоченскій „Кіевъ съ древн. его училищемъ Академію“, ч. 2, стр. 45. Въ „Историко-статистическомъ описаніи Смоленской епархіи“ (Спб., 1864 г. стр. 99) указывается, что въ кладовой Смоленскаго кафедральнаго собора хранится „посвященіе“, составленное для еп. Гedeона Вишневека диспутантами, Смоленской семинаріи въ 1752 году, и что въ этомъ „посвященіи“ сказано, что Гedeонъ Вишневскій завершилъ свое образованіе въ Вильно, Краковѣ и Львовѣ. Мы нигдѣ въ Смоленскѣ не нашли этого „посвященія“; видимо, оно исчезло безслѣдно.

Намъ нигдѣ не удалось отыскать документовъ и о путешествіяхъ другихъ профессоровъ Академіи изслѣдуемаго періода, для довершенія свое о образованія, въ заграничныя учебныя заведенія, кромѣ одного Симона Тодорскаго, собственное показаніе котораго, какъ виѣющее для насъ особенный интересъ, мы приводимъ въ VII приложеніи къ нашему изслѣдованію.

для довершенія своего образованія, въ латино-польскихъ іезуитскихъ коллегіяхъ, а потому не могшими стать выше воспитавшихъ ихъ заведеній. Если же нѣкоторые изъ нихъ (кроме Прокоповича ¹⁾), какъ, напримѣръ, Симонъ Тодорскій ²⁾, Варлаамъ Ляцевскій ³⁾, и Давидъ Нащинскій ⁴⁾, и могли быть знакомы съ лучшею постановкою образованія, чѣмъ латино-польская, то имъ не приходилось заявить себя измѣненіемъ теченія академической науки, такъ какъ Тодорскій и отчасти Ляцевскій почти все свое служеніе въ Академіи посвятили преподаванію языковъ, а Нащинскій въ изслѣдуемый нами періодъ только-что еще выступалъ на педагогическое поприще въ низшихъ классахъ.

Лишенная возможности имѣть у себя профессоровъ, непосредственно знакомыхъ съ лучшимъ направленіемъ образованія, чѣмъ латино-польское, Академія, по недостатку матеріальныхъ средствъ, не могла знать о научныхъ движеніяхъ Западной Европы и путемъ литературнымъ ⁵⁾. Изъ своихъ ничожныхъ средствъ она не могла ничего удѣлять для пріобрѣтенія сочиненій новѣйшихъ европейскихъ мыслителей, разрушавшихъ средневѣковый строй понятій.

Положимъ, въ Академіи изслѣдуемаго нами періода была своя *библіотека*, получившая начало еще при митроп. Петрѣ Могилѣ ⁶⁾. Но она состояла, вѣроятно, исключительно

¹⁾ И. Чистовичъ „О. Прокоповичъ и его время“, стр. 4—8.

²⁾ В. Асоченскій, ч. 2, стр. 142; срав. съ VII приложеніемъ къ нашему изслѣдованію.

³⁾ Ibid., стр. 127

⁴⁾ Ibid., стр. 128. Сама Академія не имѣла средствъ на посылку за границу молодыхъ людей для подготовленія къ занятію ея кафедръ.

⁵⁾ Такое знакомство съ новыми научными движеніями, несомнѣнно, имѣлъ О. Прокоповичъ, читавшій съ Я. Марковичемъ Бекона, Декарта, Бюффона и т. п. (Дневныя замѣтки малороссійскаго полковника, генерала Я. Марковича, М. 1859 г.).

⁶⁾ На это часто указывается, между прочимъ, въ словахъ, произнесенныхъ въ день его поминанія въ Академіи въ первой половинѣ XVIII в.

изъ книгъ латино-польской литературы, изученіе которой, необходимое для борьбы съ нею же, было главнѣйшимъ и единственнымъ источникомъ академической науки, вмѣстѣ съ рукописными учебниками, читавшимися въ латино-польскихъ учебныхъ заведеніяхъ и привозившимися оттуда бывавшими въ нихъ русскими людьми ¹⁾. Думать, что въ ней были произведенія новѣйшей европейской литературы, нѣтъ достаточныхъ основаній. Правда, въ лекціяхъ профессоровъ Кіев. Академіи иногда слышатся имена позднѣйшихъ европейскихъ

¹⁾ См. выше. Въ библиотекѣ Кіево-Софійскаго собора, есть, напр., принадлежащія библиотекѣ старой Кіевской Академіи слѣдующія рукописи (№№ 577, 447, 454):

1) *Arithmetica et Mathematica*, на лат. яз., преподанная во Львовѣ (л. 149), писанная въ 1650-хъ гг., съ обозначеніемъ на 2 листѣ, внизу: „*Ex Bibliotheca Kievo-Mobilana*“;

2) Сборникъ риторическихъ, богословскихъ и философскихъ руководствъ конца XVII в. Въ сборникѣ этомъ, между прочимъ, заключаются 1) *Polonia extra Poloniam circumferenda, seu Methodus orationum continuo domi, extra subinde, Polonae juventuti usui futurarum tradita in Collegio Sapiehano-Brestensi Societatis Iesu...*, anno... 1686 in annum 1687..., съ замѣткой внизу 3 листа: „*Ex Bibliotheca Kievo-Mobilana*“, 2) *діалектика* 1687, преподанная въ Люблинской коллегіи и 3) *Summulae dialecticae*, преподанная въ томъ же 1687 году въ коллегіи Brestensi Sapiehano;

3) *Partitiones oratoriae seu Orator compendiose instructus praeceptis Tullio petitis anno Domini 1693 Jaroslaviae*, съ подписью на 3 листѣ: „*Ex Bibliotheca Kievmobilana*“; и

4) Латинское богословіе (рукоп. № 216) 1690-хъ годовъ (на 743 я стр. рукописи помѣчено: *Lectio 1 anni 1692*), съ надписью на первомъ листѣ: „*Ex Bibliotheca Mobilana*“.

Въ академической библиотекѣ были и списки лекцій профессоровъ кіевскихъ. Списки эти въ библиотечку отдавали, вѣроятно, студенты Академіи. Въ библиотекѣ Кіево-Софійскаго собора, въ числѣ рукописей, есть, напримѣръ, риторика, преподанная въ Кіев. Академіи въ 1688 г.: *Fons Castalius in duplices divisus rivulos solutam scilicet et ligatam orationem*, съ надписью: „*Ex libris Bibliothecae Collegii Kijoviensis Mobilaeani*“; и другая: *Penarium Tullianae eloquentiae ad usus politicos Roxolanae juventuti in Collegio Kijovo-mohylaeano a reverendo patre praefecto et professore Rhetorices Ioasaph Krokowski accommodatum et reservatum...*, съ надписью внизу 57 и 58 листовъ: „*Ex bibliotheca Kievmobilaeana*“. (Рукоп. библ. Кіево-Соф. соб., №№ 446 и 444).

мыслителей, напр., Декарта и картезианцев¹⁾; но, называя ихъ, профессора (кроме Ѳ. Прокоповича) едва ли были знакомы съ сочиненіями ихъ самостоятельно; они являлись лишь отголоскомъ того, что говорила о нихъ іезуитская наука. Это, напримѣръ, видно изъ такого осужденія Декарта въ философскихъ лекціяхъ Академіи: „...quidam author, nomine Carthesius, qui conatus est de novo evertere totam philosophiam Aristotelis, Thomae, Scoti, Alberti magni et omnium fere philosophorum, excogitando nova principia rerum..., falso sibi persuadet“²⁾. Тутъ слышится голосъ челоуѣка, благоговѣющаго предъ схоластическими корифеями, голосъ іезуита, который и указанъ въ самыхъ лекціяхъ; это Antonius Goudin³⁾. Еще яснѣе можно заключать объ отчужденности Академіи отъ всего лучшаго въ тогдашней наукѣ, кроме іезуитской, объ отсутствіи въ ея библіотекѣ новѣйшихъ сочиненій, значительно опередившихъ латино-польскую схоластику, по тому сожалѣнію, какое выражали ея профессора о тратѣ времени и силъ на изученіе іезуитско-схоластическихъ твореній, когда имъ случайно попадалось въ руки какое-нибудь новѣйшее сочиненіе, болѣе или менѣе далекое отъ мертвящаго схоластицизма. Такъ, напр., Георгій Конисскій 13 сентября 1755 г., уже будучи посвященнымъ во епископа Бѣлорусскаго, давая кіевскому митрополиту отзывъ о присланныхъ ему послѣднимъ для разсмотрѣнія (въ видахъ введенія въ

Наконецъ, въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора въ настоящее время находится еще рукопись (in 4-о, на 364 л.), подъ заглавіемъ: *Wody Żywotne ze zrzodeł Zhawieielowych, to jest (in nomine tuo, dulcissime Jesu) Nauki z Ewangeliey o Rozmysłaniu śmierci...* (перев. съ лат. яз. на польск. Иеронима Крушинскаго, соч. *Georgius Kyspennigiusz*, 1624 г.); съ помѣтою на верху перваго листа: „*Ex bibliotheca Mobiliana Civitatis A^o 1641 Julij 26^a*“.

¹⁾ Рукоп. библи. Кіев. дух. Академіи I. 11. 66. 7, л. 275, 302 и др.

²⁾ Ibid.

³⁾ Въ академической библіотекѣ есть его *Philosophia juxta inconcussa tutissimaque divi Thomae dogmata*, t. 1—2, Coloniae Agr., 1726 г. (По систематическому каталогу ея, т. 2, вып. 4, Кіевъ, 1896 г., см. на стр. 89, № 8186).

Академіи въ учебники) философіяхъ Баумейстера и Пурхоція, между прочимъ, писалъ: „Я окружно (цѣликомъ) не читалъ, якожь и *не имѣлъ* ихъ, когда самъ въ философіи по должности на мене бывшей положенной упражнялся, что особливо за *нещастіе* свое причитую, ибо на смѣтняхъ интерпретовъ Аристотелевихъ времени всеу не потерялъ бы было“ ¹⁾.

Состоя изъ книгъ преимущественно іезуитско-схоластическаго содержанія, печатныхъ и рукописныхъ, бібліотека Кіевской Акадміи образовывалась со времени Петра Могилы исключительно изъ пожертвованій разныхъ благотворителей. Много-ли уцѣлѣло въ ней книгъ, собранныхъ такимъ путемъ, со времени Петра Могилы до начала XVIII в., послѣ всѣхъ несчастій, постигавшихъ Академію во второй половинѣ XVII в., сказать трудно. Во всякомъ случаѣ, не смотря на неоднократно постигавшіе Академію пожары во второй половинѣ XVII в., и въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, въ бібліотекѣ ея и въ настоящее время насчитывается до десяти книгъ, пожертвованныхъ митроп. Петромъ Могилой ²⁾. Принимая во вниманіе, что къ началу 1780 года академическая бібліотека состояла изъ 8632 книгъ на разныхъ языкахъ ³⁾, и исключая изъ этого числа 1) 479 книгъ, пожертвованныхъ ей Ижаріономъ, еп. Сарскимъ и Подонскимъ въ 1758 году ⁴⁾; 2) 34 книги, поступившія въ нее по смерти игумена Кіево-Кирилловскаго монастыря Мелхиседека Орловскаго, въ 1765 году ⁵⁾; 3) 872 (129 русскихъ и 743 ино-

¹⁾ Акты Кіево-Брат. учил. мон. в Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. 1, д. № 50.

²⁾ В. Аскоченскій ошибается, утверждал (ч. 1, стр. 290), что въ академической библ сохранилась отъ времени Петра Могилы только одна книга.

³⁾ Архивъ Кіев. дух. консист., д. (о пожарѣ академич. библ. 29 февраля 1780 г.) 1780 г., № 34.

⁴⁾ Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. 2, д. № 2.

⁵⁾ Архивъ Кіев. дух. консисторіи, д. 1765 г., № 309.

странныхъ) книги, поступившія въ нее въ 1774 г., по смерти архимандрита Донскаго Ставропигіальнаго монастыря Варлаама Ляцевскаго ¹⁾, 4) нѣсколько латинскихъ книгъ, доставшихся ей по смерти преосвященнаго Варлаама Ленницкаго ²⁾, въ 1742 г., 5) 100 учебныхъ руководствъ, приобрѣтенныхъ въ нее въ 1771 году ³⁾; и 6) нѣсколько другихъ ея (предполагаемыхъ нами) приобрѣтеній съ 1750 по 1780 г.;—можно съ вѣроятностію сказать, что къ концу 1750 г. въ ней было до 7000 книгъ, отчасти уцѣлѣвшихъ отъ митроп. Петра Могилы ⁴⁾, отчасти перешедшихъ въ нее изъ Гойской Коллегіи ⁵⁾, частію поступившихъ отъ другихъ жертвователей ⁶⁾, но главнымъ образомъ составившихся изъ по-

¹⁾ Архивъ той же консисторіи, д. 1774 г., № 27/12. У іером. Макарія Булгакова („Исторія Кіев. дух. Акад.", стр. 134), вѣдѣ за митрополитомъ Евгеніемъ, почему-то указано не 872, а 864 книги.

²⁾ Архивъ Кіев. дух. консист., Реестръ бумагъ, исходящихъ изъ канцел. кіев. митроп. въ 1742 г.; тутъ отъ 21 окт. за № 1391 (свѣдѣнія о Ленницкомъ см у В. Аскоченскаго, въ его „Кіевъ съ древн. его учил. Академією", ч. 1, стр. 300—301), записано „доношеніе въ Св. Синодъ объ опредѣленіи въ Академію Кіев. книгъ латинскихъ, оставшихся по измержомъ священ. Варлаамѣ Ленницкомъ".

³⁾ Актъ Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. 3, стр. 283.

⁴⁾ Много изъ этихъ книгъ въ первой половинѣ XVIII в. было увезено изъ академической библіотеки нѣкоторыми ея профессорами; напр., Гедеономъ Вишневымъ, въ числѣ книгъ котораго въ Смоленской духов. семинаріи есть экземпляры съ подписью самого Могилы и съ обозначеніемъ того, что они были въ библ. Кіев. Академіи; есть такія же книги и въ библ. Черниговской духовной семинаріи.

⁵⁾ Одна изъ такихъ книгъ (*Florida Mariana, seu de laudibus sanctissimae Deiperae Virginis Mariae Panegyrici XXIV—Abrahami Bzovi*), принадлежавшая ректору Гойской коллегіи игумену Митрофану Судовскому (умер. 5 дек. 1678 г., какъ значится въ рукописной замѣткѣ на послѣдней страницѣ книги), была увезена Гед. Вишневымъ изъ академич. библіотеки, и отъ него поступила въ библіотеку Смоленской духовной семинаріи.

⁶⁾ Въ библ. Смоленской дух. семинаріи, въ числѣ книгъ Гед Вишнева, есть „*Sylvae allegoriarum totius Sacrae Scripturae in indicem redactae. Authore F. Hieronimo Laureto. Venetiis. MDL—XXXVIII*", съ такою надписью

жертвованій кіевскихъ митрополитовъ въ первой половинѣ XVIII в.—Варлаама Ясинскаго ¹⁾, Іоасафа Кроковскаго ²⁾ и Рафаила Заборовскаго ³⁾. Собственныхъ приобрѣтеній въ свою библіотеку Академія въ изслѣдуемое нами время не дѣлала: на это у нея не было никакихъ средствъ.

Чтенію книгъ и такой библіотеки, всегда находившейся въ завѣдываніи учителя риторики ⁴⁾, профессора не могли посвящать достаточнаго количества времени, а ограничивались, по всей вѣроятности, только пересмотромъ наиболѣе необходимыхъ для своихъ лекцій пособій и источниковъ. Это потому, что профессора Академіи первой половины XVIII в. располагали весьма малымъ количествомъ часовъ, свободныхъ отъ обязательныхъ занятій.

Начиная почти всегда свою учительскую карьеру съ низшихъ классовъ, чтобы затѣмъ (употребимъ выраженіе Смоленскаго епископа Гедеопа Вишневскаго изъ его письма

на заглавномъ листѣ: „Ex bibliotheca Collegii Mohilaeani; (изъ Святой Софіи, Митрополіи Кіева ad Bibliothecam Collegii Mohilaeani Kijoviensis legatus“ (№ 118, по старому каталогу), и на 1-й и на 570 стр (другой рукою: „Ex bibliotheca Collegii Kijovo Mohilaeani Sanctorum Eriphanorum“.

¹⁾ В. Асхоченскій, ч. 1, стр. 290.

²⁾ В. Асхоченскій, ч. 2, стр. 21.

³⁾ Отъ него въ академической библіотекѣ до настоящаго времени сохранились: 1) Библія, изданная въ Краковѣ въ 1575 г.; на ней есть неразборчивая пометка рукою самого Заборовскаго; 2) *Καὶνὴ διαθήκη*, изд. MDCCXXXIV г.; 3) *Vetus Testamentum*, изд. MDCCXXXIII, съ надписью 1741 года: „Hunc librum applicavit bibliothecae academiae Kijovenssis illustrissimus Raphael Zaborovski, Dei gratia archiepiscopus Kijoviensis, conditor munificentissimus, per me infimum suum clientem hieromonachum Simonem Tcdorski, linguarum orientalium ibidem professorem publicum ordinarium; 4) *Apparatus criticus. Lexicon graecolatium in Novum Testamentum*, изд. NDCCXXXV. Georg. Pasoris,—въ трехъ томахъ, съ такою же надписью, какъ и предыдущая; 5) Полидора Виргилія Урбинскаго „Осмь книгъ о изобрѣтеніи вещей“, изв. въ Москвѣ, въ 1720 г., по повелѣнію Петра Великаго; и нѣк. др.

⁴⁾ Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад. собр. В. Асхоченскими, т. 1, д. № 32. Эта библіотека была общею для учителей и учениковъ (Начало специальной ученической библіотеки было положено позже, около 1768 г., *ibid.*, т. III, д. № 31).

къ митроп. Рафаилу Заборовскому¹⁾ successive (послѣдовательно) преподавать въ высшихъ, они всегда должны были готовиться не только къ настоящей, но и къ будущей своей преподавательской дѣятельности. Это было вполнѣ необходимъ для избѣжанія того вреда, который могъ происходить, безъ должной подготовки съ ихъ стороны; потому что нерѣдко въ срединѣ учебнаго года выбывалъ учитель высшаго класса, и его мѣсто долженъ былъ заступить учитель низшаго. Отказаться отъ назначенія на учительство въ высшій классъ учитель низшаго класса едва-ли и могъ, потому что академическіе классы въ то время были своего рода рангами, вазвышавшими и внѣшнее достоинство и матеріальное положеніе учителя; слѣдовательно, на повышение изъ класса въ классъ учитель долженъ былъ смотрѣть, какъ на обстоятельство желательное.

Независимо отъ этой тяжелой необходимости, профессора всегда были обременены другими работами: на нихъ, кромѣ классныхъ занятій, исправленія ученическихъ тетрадей на дому, составленія къ торжественнымъ собраніямъ и разнаго рода домашнимъ празднествамъ Академіи рѣчей²⁾, привѣтствій, діалоговъ, поэтическихъ и драматическихъ произведеній, часто возлагались еще постороннія дѣла. Такъ, Императоръ Петръ Великій чрезъ кіевскаго губернатора кн. Д. Голицина не разъ давалъ профессорамъ Академіи переводить разнаго рода книги³⁾. Кіевскіе митрополиты, съ своей стороны, часто присылали имъ для этой же цѣли раз-

¹⁾ Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад. собр. В. Аскоченскимъ, г. 1, д. № 10.

²⁾ Объ этомъ см. ниже.

³⁾ Ихъ здѣсь было переведено не мало, что видно изъ сохранившихся на енїахъ надписей, напр. „Министерство или правительство кардинала Рихиали (Ришелье) и Мазарини 1623 – 1651 г. (съ франкфуртскаго изданія 1652 г.), учинено въ 1712 г. стараніемъ кіевскаго губернатора Д. М. Голицина въ тамошней Академіи“; и т. п. (См. В. Иконникова. „Опытъ русской историографіи“, Кіевъ, 1892 г., т. I, кн. 2, стр. 1078 – 1079).

ныя бумаги, дѣловую переписку¹⁾; иногда даже поручали имъ и составленіе книгъ.

Такъ, напр., ректоръ Академіи архимандритъ Сильвестръ Кулябка въ 1744 и 1745 г.г., по порученію митр. Рафаила Заборовскаго, занимался составленіемъ книги: *„О собственныхъ всякаго чина должностяхъ и о прочемъ“*, при сотрудничествѣ въ 1744 году учителей—Сильвестра Добрыны и Варлаама Ляцевскаго (архимандрита Кіево-Печерской Лавры Іосифа Занкевича, іеромонаховъ Лавры—Варнавы Старжицкаго и Арсенія Питицкаго и іером. Кіево-Михайлов. мон. Гедсона Сломинскаго) и въ 1745 г.—учителя пѣтики Гедсона Сломинскаго (и того же Сильвестра Добрыны, уже игумена Кіев. Петро-Павловскаго монастыря²⁾). Ректоръ Академіи всегда (а иногда префектъ и учитель философій³⁾) несъ обязанности члена Кіевской духовной консисторіи, почему часто присутствовалъ въ ея засѣданіяхъ и исполнялъ ея

¹⁾ Напр., 18 мая 1749 г. митроп. Тимоней Щербатскій присылалъ въ Академію перевести 18 писемъ Парвенія, патріарха іерусалимскаго (Арх. Кіев. дух. конс., д. 1749 г., № 75); въ мартѣ 1743 г. были даны „два листа греческіе для перевода“ Варлааму Ляцевскому (см. переданное нами въ библ. Церк.-Арх. музея при Кіев. дух. Акад. его письмо къ ректору Академіи отъ 2 марта 1743 г. по дѣлу о наставленіи въ истинахъ православной вѣры еврея Ицки Шмулева).

²⁾ См. переданное нами въ ту же бібліотеку церк.-археол. музея допосланіе ректора Кулябки митроп. Щербатскому, отъ 8 марта 1745 г. (Питицкій и Старжицкій занимались составленіемъ этой книги и до назначенія Кулябки въ сотрудничество имъ; Ляцевскій же въ октябрѣ 1744 г. отказался отъ участія въ этомъ дѣлѣ; *ibid.* 21 августа 1744 г. въ своемъ допосланіи въ Св. Синодъ (по поводу требованія послѣднимъ высылки изъ Кіева ученыхъ людей въ Москов. Академію) митроп. Рафаилъ Заборовскій, между прочимъ, писалъ, что „Гедсона Сломинскій, рукоположенный во іеромонахи, опредѣленъ въ сочиненію книжицы о собственныхъ всякаго чина должностяхъ“ (Архивъ Св. Синода, д. 1744 г., іюля 23, № 518).

³⁾ Арх. Кіев. дух. конс., д. 1754 г. № 661, гдѣ упоминаются ректоръ Академіи, префектъ и учитель философій, какъ члены Кіев. консисторіи 14 мая 1731 года. Они назначены были членами консисторіи 2 декаб. 1730 г. См. Опис. докум. и дѣлъ, хран. въ архивѣ Св. Пр. Синода, т. X, ст. 471.

разныя порученія ¹⁾. На немъ же вмѣстѣ съ префектомъ лежала и цензура рѣчей и проповѣдей, которыя произносились учителями по ихъ собственному желанію ²⁾ и по обязанности ³⁾. Ректоръ Академіи Амвросій Дубневичъ съ осени 1733 до зимы 1735 г. состоялъ членомъ комиссіи, на которую возложено было составленіе перевода и свода законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи ⁴⁾. Нѣкоторые профессора несли разныя должности по Братскому монастырю ⁵⁾; иные состояли кафедральными экзаменаторами, обязанными производить испытанія кандидатамъ на церковно-священническія мѣста ⁶⁾. Впрочемъ, послѣдняя обязанность иногда распространялась митрополитомъ одинаково на всѣхъ учителей ⁷⁾, равно какъ и порученіе имъ наставить въ истинахъ вѣры того или другого иноувѣрца ⁸⁾. Если ко всему этому принять еще во вни-

¹⁾ Напр., въ 1732 г. ректору Амвросію Дубневичу было поручено разслѣдованіе дѣла о чудотворной иконѣ; Арх. Кіев. дух. конс., д. 1732 г. № 40.

²⁾ Напр., при встрѣчѣ новаго кіевскаго митрополита (рукоп. библ. Кіев. дух. Акад. J. III. 91. 12. л. 108 на обор.), или при погребеніи умершаго (рукоп. библ. Кіево-Михайл. мон., № 1748, л. 23—33).

³⁾ Въ праздничные и торжественные дни „большую часть“ учителя Академіи произносили проповѣди въ кафедральномъ монастырѣ (Арх. Св. Синода, д. 1745 г., ноября 29, № 187); о проповѣдничествѣ ихъ въ Брат. мон. см. ниже. Обязательное очередное проповѣдничество для учителей Академіи было установлено съ 16 октября 1738 г. (Акты Кіево-Брат. уч. мон. и Акад., собр. В. Аскоч., т. 2, д. № 9).

⁴⁾ „Кіевскій Университ. Извѣстія“, 1878 г., № 11, стр. 812; см. „Кіев. Старина“ 1896 г., № 7—8, стр. 17 и 18 второго отдѣла; см. Арх. св. Синода, д. д. 1735 г., № 339; и 1736 г. марта 26, № 212.

⁵⁾ Напр., Сильвестръ Добрыня въ 1742 г. былъ екслезіархомъ Братскаго мон. (см. переданное нами въ библ. Церк.-Арх. Музея при Кіев. дух. Академіи доношеніе Ковачинскаго митроп. Рафаилу Заборовскому, отъ 6 мая 1742 г.).

⁶⁾ Напр., въ 1740 г. учитель риторики Сильвестръ Ласкоронскій (Арх. Кіев. дух. конс., реестръ 1740 г., № 1580, 14 декабря; см. Арх. Св. Синода д. 1745 г., 29 ноября, № 187).

⁷⁾ Арх. Кіев. дух. конс., д. д. 1748—1751 г.г. о посвященіяхъ въ ерейскій чинъ.

⁸⁾ Напр., Симону Тодорскому 19 ноября 1740 г. былъ порученъ протестантъ Карлъ Трумлеръ (Арх. Кіев. дух. конс., реестръ 1740 г., № 1393 и

маніе то обстоятельство, что почти всѣ профессора Академіи изслѣдуемаго нами времени были лицами монашествовавшими, въ учебное время входившими въ число братіи Братскаго монастыря (своего главнаго кормителя), отпраивавшими по седмицамъ служеніе въ церквахъ этого монастыря, и ежедневно ходившими на клиросы въ его храмы пѣть и читать, „не имѣючи въ томъ никакого зазрѣнія“ ¹⁾),—то мы поймемъ, какъ трудно имъ было выбрать часть-другой для чтенія книгъ своей академической бібліотеки ²⁾).

1406); пріфекту Козачинскому 30 марта 1742 г. католикъ Петръ Ортинскій (ibid., реестръ 1742 г. и д. 1742 г., № 38); ректору С. Кулябѣ 7 іюля 1743 г. римлянинъ Стефанъ Бодѣцкій (ibid., реестръ 1743 г., № 33); въ августѣ того же года жидъ Бенишъ Мошковичъ (ibid., д. 1743 г., № 95); Лашевскому 3 марта 1743 г. еврей Мошко Шаомовичъ (ibid., д. 1743 г., № 20); Іоакиму Павѣнскому въ ноябрѣ 1750 г. римлянинъ Автопій Добровольскій (ibid., д. 1750 г., № 1636), и ми. др.

¹⁾ Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад. собр. В. Асочен., т. 2, д. № 21.

²⁾ Еще болѣе трудно было профессорамъ найти время для свободной учебно-литературной дѣятельности; поэтому мы и не удивлялись, нигдѣ не встрѣтивъ никакихъ памятниконъ и даже слѣдовъ ихъ научныхъ работъ (за время пребыванія изъ въ Академіи, кромѣ соч. Ѳеоф. Прокоповича: „Распрія Павла и Петра о игѣ неудобноосимомъ“, 1712 г. (см. И. Чистовича: „Ѳ. Прокоповичъ и его время“, стр. 19); и кромѣ участія нѣкоторыхъ въ составленіи упомянутой книги „О должностяхъ всякаго званія“. Разумѣется, говоря такъ, мы выдѣляемъ ихъ профессорскія работы, составлявшіяся ими ex officio, къ числу которыхъ относимъ указываемые ниже 2 панегирика, составл. М. Козачинскимъ. По выходѣ изъ Академіи многіе профессора ея заявили себя въ XVIII столѣтіи учено-литературными трудами. По ихъ примѣру работали и ихъ ученики. Изъ трудовъ академическихъ профессоровъ первой половины XVIII-го стол. въ печати появились въ то время (кромѣ пріветственнаго слова Ѳеофана Прокоповича Петру Великому въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, 15 іюля 1709 г., см. „Исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ С. М. Соловьева, С.-Петербург. изд. товарищества „Обществ. Польза“, т. XV, стр. 1557—1559; см. И. Чистовича: „Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время“, стр. 14—15 Это похвальное слово было напечатано въ типографіи Кіево-Печерской Лавры на русскомъ языкѣ съ латинскимъ переводомъ) только:

1) *Панегирикъ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ*, составленный пріфектомъ іеромонахомъ Мих. Козачинскимъ въ 1744 г., напеч. въ типографіи Кіево-Печер. Лавры (Панегирикъ этотъ представляетъ собою довольно сложный драматическій диалогъ, съ прологомъ и эпилогомъ, съ различными салтами и ин-

Не будучи, такимъ образомъ, въ состояніи (при отсутствіи почти всякой возможности къ тому) стать выше латино-польской науки, и чуть не по необходимости рабствуя предъ ней (какъ мы сказали) и повторяя её, лишь съ сообщеніемъ ей, конечно,—*по возможности* (см. выше)—православнаго духа, Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII в. и этимъ путемъ съ полнымъ успѣхомъ выполняла свое высокое православно-историческое призваніе.

О широтѣ осуществленія ею своей высокой задачи достаточно краснорѣчиво говорить самыя цифры ежегоднаго числа ея учениковъ, которые, получая въ ея аудиторіяхъ тотъ же запасъ свѣдѣній и знаній, какой предлагали въ то время латино-польскія коллегія и академіи, этимъ самымъ,

терпѣлими. Задача и содержаніе его указаны въ немъ самомъ: „Кіевъ, обрадованъ... прибытіемъ... Императрицы. да здравствуетъ Елизаветъ Петровна, Маркъ Аврелій вѣка нашего... всторію о маркѣ Авреліи въ память привода, съ прологомъ и эпилогомъ, тремя дѣйствіи чрезъ учениковъ академіи кіевскія всенародно торжествуетъ“. См. анализъ этого произведенія въ „Сочиненіяхъ М. Максимовича“, 1880 г., Кіевъ, т. IV, стр. 737—745); и

2) *Пангирикъ графу А. І. Разумовскому*, составленный въ 1745 г. тѣмъ же Козачинскимъ и напечатанный во Львовѣ, въ типографіяхъ Ставропигіальной и Іезуитской (См. объ этомъ произведеніи въ „Кіев. Епарх. Вѣдомостяхъ“, 1871 г., № 1, стр. 11—19; см. о литературной дѣятельности Козачинскаго, въ „Очеркахъ изъ исторіи украинской литературы XVIII в.“, Н. Н. Петрова, Кіевъ, 1880 г., стр. 90 и слѣд.).

Экземпляры обоихъ названныхъ произведеній есть въ библіотекѣ Кіевской духовной Академіи.

Изъ студенческихъ трудовъ, напечатанныхъ въ первой половинѣ XVIII-го вѣка, намъ извѣстенъ лишь одинъ. Это — „*Domus sapientiae, illustrissimo ac reverendissimo patri P. Joasapho Krokowski, Archipraesuli Metropolitae Kiieviensi. Andrea Chmarny A. A. Ю. Ю. Sacrosanctae Theologiae Auditore, in perpetuum Rossiacae infulae cultum praesentata auno, quo ManDat fronte Coronata reserare serenae arcades, qVI penetrans Interfora tenet* (т. е. 1708 г.). Mense Iun die 24-г. Произведеніе это (in folio., на 20 листахъ)—панегирикъ въ честь кіевского митрополита Іоасафа Кроковскаго; напечатано оно въ типографіи Кіево-Петерской Лавры. (Экземпляръ Domus Sapientiae есть въ Императорской Публичной библіотекѣ; когда закончено было нами наше настоящее издѣданіе, мы приобрѣли экземпляръ Domus Sapientiae у одного антикварія).

въ большой массѣ, отвлекались отъ послѣднихъ и чрезъ то сохранялись Академіею вѣрными дѣтьми своей родной православной церкви. Не смотря на множество школъ, возникшихъ въ первой половинѣ XVIII в. въ разныхъ епархіяхъ, число учившихся въ Академіи въ это время въ общемъ всегда было большое. Напр., въ 1710 г. въ Академіи было „болѣе 2000“ студентовъ ¹⁾; въ 1715 году всѣхъ студентовъ въ Академіи было 1100 человекъ ²⁾; въ 1715—17 г.г. въ философскомъ классѣ было 54 человекъ ³⁾; въ 1725 году въ богословскомъ классѣ было 31 ⁴⁾; въ 1727 г. всѣхъ въ Академіи было 652 человекъ ⁵⁾. Особенно велико было число учившихся въ Академіи во времена митроп. Рафаила Заборовскаго. Такъ, напр., въ годахъ, предшествовавшихъ 17³⁶/₃₇ учебному „бывало учениковъ по семь и по восьми сотъ“; и къ началу 17³⁶/₃₇ учебн. года „было собралось на 600“, но къ концу марта мѣсяца 1737 г., „за утѣсненіемъ квартиръ и за оскудѣніемъ препитанія“, многіе изъ студентовъ, „яко свободны суще, свободно мусили за нужду (такую), ученіе свое оставивши, отъ училищъ устранились“ ⁶⁾, такъ что въ концѣ марта въ Академіи на лицо было всего лишь 364 чело-

¹⁾ По словамъ датскаго посланника при Петрѣ Великомъ—Юста Юля, бывшаго въ срединѣ 1711 г. въ Кіевѣ (см. переводъ записокъ Юста Юля, Ю. Н. Щербачевымъ, въ *Уч. Импер. Общ. Исторіи и Древн. при Московскомъ Универ.*, 1899 г., кн. 3, отд. III, стр. 346), по словамъ же Расмуса Эребо (*ibid.*, выдержки изъ его автобіографіи, стр. 458), ихъ было „тысячь шесть“. Какъ къ тѣмъ, такъ и къ другимъ словамъ, кажется, нельзя отнести съ полною вѣрою. Они нуждаются въ подтвержденіи болѣе точными документальными извѣстіями.

²⁾ „Исторія Кіев. дух. Академіи“ іером. Макарія Булгакова, стр. 108, примѣч. 3-е.

³⁾ Рукоп. библ. Кіево-Печерск. Лавры X, 62, послѣдній листъ.

⁴⁾ Рукоп. библ. Кіево-Софійскаго собора, № 230.

⁵⁾ Списокъ ихъ см. въ „Описаніи дошум. и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Св. Пр. Синода“, т. VII, прилож. VIII, ст. CXVI—CXXIX.

⁶⁾ Изъ доношенія префекта Іеронима Миткевича митропол. Заборовскому въ началѣ 1737 г., при вѣдомости объ ученикахъ Кіев. Акад. за 17³⁶/₃₇ г. (Арх. Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. 1).

вѣка ¹⁾; въ 17³⁷₃₈ г. (по вѣдомости 21 февраля 1738 г.) было 494 человѣка ²⁾; въ 17³⁸₃₉ г. — 444 человѣка (въ томъ числѣ дѣтей духовенства 92 человѣка ³⁾; въ 17³⁹₄₀ г. — 536 человѣкъ (дѣтей духовенства изъ нихъ — 146 ⁴⁾; въ 17⁴⁰₄₁ г. — 564 человѣка (изъ духовнаго сословія 152 ⁵⁾; въ 17⁴¹₄₂ г. — 687 человѣкъ (изъ духов. сословія 213 ⁶⁾; въ 17⁴²₄₃ г. — 822 (въ этомъ числѣ дѣтей священнослужителей 265, и панамарскихъ 1 ⁷⁾; въ 17⁴³₄₄ г. — 902 человѣка (въ томъ числѣ 255 дѣтей священнослужителей, 1 сынъ дяка и 2 панамарскихъ сына ⁸⁾; въ 17⁴⁴₄₅ г. — 1100 человѣкъ (въ томъ числѣ священническихъ дѣтей 323, діаконскихъ 3 и дяковскихъ 12 ⁹⁾; въ 1746 году въ философскомъ классѣ — 60 человѣкъ ¹⁰⁾).

Считаемъ необходимымъ отмѣтить, что число студентовъ Академіи въ первой половинѣ XVIII в. не было постояннымъ даже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Это происходило потому, что въ Академіи былъ обычай, по которому „учащіеся, какъ писалъ митроп. Заборовскій въ своемъ доношеніи въ Синодъ 30 мая 1737 г., свободно приходили и, по сколько кто желалъ, учились, и паки свободно, — куда похощеть, въ какое кто званіе, — отлучались“ въ любое время ¹¹⁾

¹⁾ Такое число указано въ доношеніи Митревича. а по вѣдомости ихъ было 367 человѣкъ.

²⁾ Архивъ Св. Синода, д. 1737 г. № 380, т. I.

³⁾ Ibid., т. II.

⁴⁾ Ibid., т. III.

⁵⁾ Ibid., т. III.

⁶⁾ Ibidem, т. IV.

⁷⁾ Ibid.

⁸⁾ Ibid., т. V.

⁹⁾ Ibid.

¹⁰⁾ Арх. Кіев. дух. конс., д. 1746 г., № 124, см. „Кіевлянинъ“ за 1876 г. № 28.

¹¹⁾ Архивъ Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. I. Желая устранить такое обыкновеніе, митроп. Раф. Заборовскій въ 1738 году ходатайствовалъ объ этомъ предъ Св. Синодомъ, на что Синодъ въ своемъ указѣ ему, между прочимъ, отвѣтилъ: „Труды Кіевск. дух. Акад. Т. II. 1903 г.

Вслѣдствіе этого на требованіе Св. Синодомъ представить ему вѣдомости объ учившихся и учащихся съ 1730 по 1737 г. митр. Заборовскій 10 іюля 1738 г. и отвѣтилъ въ Синодъ, что исполнить его предписаніе онъ не можетъ вполнѣ. При этомъ митрополитъ въ такихъ выраженіяхъ очертилъ обстоятельства, лишавшія его возможности выполнить распоряженіе Св. Синода: „Студенты (Кіев. Академіи) всякъ на своемъ коштѣ—хотя иные и скудно—учатся; суть люди разнаго званія зъ Малороссіи, а паче большое число зъ зарубѣжа Польской области приходящіи; яко свободніи люде, въ школахъ кіевскихъ свободно принимаются, и, сколько кто пожелаетъ, учатся; и *всегда съ временемъ прибавляются, а съ временемъ убываютъ ученики*. Иныи въ другія училища: Черниговскія и Харьковскія, а иные за рубежъ Польской области, близъ Кіева лежащій, ради обученія отходятъ; иные же въ разныя, какія кто похочетъ когда, званія, по древнимъ здѣшнимъ обыкновеніямъ, отлучаются. И по древнему здѣшнему обыкновенію, учащіеся въ школахъ Кіевскихъ ежегодно... въ маѣ и іюнѣ изъ училищъ,—иные для взысканія себѣ сиропиваніемъ суплементу на предбудущее время въ училищахъ, а иные по домахъ своихъ или кто куда похочетъ, какъ свободные, —отлучаются; прочіе же всѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ по обыкновенію распускаются и, куда кто похочетъ, въ разныя мѣста отходятъ, изъ которыхъ многіе въ училища не возвращаются, когда въ сентябрѣ школы начаты бывають,... многіе въ домахъ остаются и разніи знаніи входятъ“¹⁾.

чалъ: „о вольности Кіевскихъ учащихся студентовъ, до разсмотрѣнія, быть по прежнему обыкновенію, какъ о томъ грамотами Высокомонаршими повелѣно“ (рапортъ м. Заборовскаго 28 ноября 1738 г. о полученіи синодальнаго указа; *ibid.*, л. 730).

¹⁾ Вслѣдствіи этого нельзя усматривать чего-либо страннаго въ тѣхъ случаяхъ, когда за одинъ и тотъ же учебный годъ мы встрѣчаемъ нѣсколько извѣстій о числѣ учениковъ, съ значительною разницею въ ихъ цифрахъ. Разница эта зависитъ отъ времени составленія списковъ или счета студентовъ. Напр.,

Въ числѣ воспитанниковъ Академіи въ изучаемый нами періодъ ея жизни (какъ видно даже изъ помѣщаемыхъ нами въ приложеніи къ настоящему изслѣдованію отрывковъ изъ вѣдомости 1736 года и изъ полного списка учениковъ синтаксимы за 17⁸⁶/₃₇ учебный годъ, помѣщеннаго на л. 245—254 рукописи библ. Кіево-Михайловскаго монастыря № 1710¹ были уроженцы почти всѣхъ южныхъ и западныхъ ²⁾ губерніи нынѣшней Россіи и даже иногда отдаленныхъ сѣверныхъ (напр., Новгородской ³⁾). Не мало было между ея питомцамъ и иностранцевъ какъ жителей единовѣрныхъ съ Россіею славянскихъ странъ, такъ и православныхъ жителей католическихъ земель. Сравнительно много ихъ стало появлятьс

по каталогу въ рукоп. библ. Кіево-Михайлов. мон., № 1710, л.л. 245—254, 17⁸⁶/₃₇ г. въ синтаксими значится 112 учениковъ, а въ вѣдомости за тотъ же годъ—всего 71. Вѣроятно, первое число было въ самомъ началѣ учебнаго года а второе—въ послѣдней его половинѣ (около 23 марта, см. арх. Св. Синода, 1737 г., № 380, т. I). Въ цѣтихъ, по каталогу той же рукописи (л. 164—166 къ началу 17³⁷/₃₈ учеб. г. должно было быть 64 человека; было же въ ней, вѣдомости за этотъ годъ (арх. Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. I) 67 человекъ. По д. № 20 въ перломъ томѣ „Актовъ“, собр. В. Асхоченскимъ, къ 1740 всѣхъ студентовъ въ Академіи было „до тысячи“. По іером. Макарію („Ист. Кіев. дух. Акад.“, стр. 108, примѣч. 3-е) и В. Асхоченскому (ч. 2-я, стр. 11 въ 1742 г. въ Академіи было 1234 студента; по вѣдомостямъ гораздо меньше (см. выше), а по подписямъ на присяжномъ листѣ 1742 года—студентовъ значится 940, (что болѣе близко къ вѣдомости), вѣистѣ съ служителями—995, а „небѣи чинами въ Братскомъ монастырѣ“—1184 (см. копію этого листа въ би Перк.-Археол. муз. при Кіевской дух. Академіи). Мы думаемъ, что и показана іером. Макаріемъ и Асхоченскимъ не теряютъ своего значенія при существованіи даже указаннаго списка, потому что разница эта могла быть чисто случайнаго характера. Для этого слѣдуетъ сравнить подписи студентовъ богословія 1742 на присяжномъ листѣ со спискомъ ихъ въ рукоп. библ. Кіев. дух. Акад. I. 13. 13, л. 116 на оборотѣ. Тутъ мы встрѣчаемъ, съ одной стороны, новыя мнѣнія, а съ другой—недостатокъ названныхъ въ присяжномъ листѣ.

¹⁾ Въ вѣдомостяхъ, представленныхъ Академію въ Св. Синодъ, указалось мѣсто происхожденія только студентовъ—дѣтей священнослужителей (пр. вѣдомости за 17⁸⁶/₃₇ годъ).

²⁾ „Кіевская Старина“ 1896 г., февраль, стр. 202.

³⁾ Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собр. В. Асхоч., т. I, л. № 2

въ стѣнахъ Академіи во второй четверти XVIII в., когда стараніями митроп. Рафаила Заборовскаго Кіевская Академія въ учебно-образовательномъ отношеніи была поставлена на такую степень высоты (чрезъ введеніе въ ея курсъ изученія языковъ), на какой раньше она никогда не бывала.

Въ это время въ числѣ воспитанниковъ Академіи мы видимъ не только грековъ (іеродіакона Іосифа Саввича¹⁾, австрійскихъ и венгерскихъ сербовъ—ихъ было больше всѣхъ иностранцевъ—(напр., въ 1733 г. Іакова Іоанновича, Іоанна Поповича²⁾, іерод. Діонисія Новаковича³⁾, іером. Арсенія Иванова⁴⁾, іером. Аввакума Ковачевича⁵⁾, іером. Амвросія Лукина⁶⁾, іером. Симеона Бѣлича⁷⁾, Алексѣя Кертиса⁸⁾, Богдана Петрова, Савву Дмитріева, Михаила Мирковича⁹⁾, Ивана Дубровскаго, Ивана Дементьева¹⁰⁾, іером. Моисея¹¹⁾, іером. Исаію Новаковича, Павла Вуича¹²⁾, іером. Арсенія, іерод. Фоку, іером. Прохора изъ г. Петроварадина¹³⁾, Іоанна Бочневича, сына священника изъ Венгерскаго города

¹⁾ Архивъ Кіев. дух. консисторіи, Реестръ 1749 г. № 96.

²⁾ Архивъ Св. Синода, д. 1736 г., марта 26, № 212.

³⁾ Арх. Кіев. дух. консист., д. 1737 г., № 20. (Онъ проучился съ 1726 по 1737 г. и возвратился на родину).

⁴⁾ Ibid., д. 1751 г., № 92. (Онъ учился съ 1741 по 1751 г., и возврат. на родину).

⁵⁾ Ibid., Реестръ дѣлъ канцеляріи Кіев. митроп. 1744 г., № 46

⁶⁾ Ibid., д. 1743 г. № 124.

⁷⁾ Ibid., № 25.

⁸⁾ Ibid., д. 1746 г., № 687.

⁹⁾ Ibid., д. 1749 г., № 88 и реестръ дѣлъ канцеляріи Кіев. митроп. того же года № 144.

¹⁰⁾ Ibid., реестръ дѣлъ канцеляріи Кіев. митроп. 1749 г., №№ 148 и 160.

¹¹⁾ Ibid., д. 1749 г., № 97 (Онъ поступилъ въ 1748 г. въ пѣтуку изъ Переяславской семинаріи).

¹²⁾ Акты Кіево-Браг. учил. мон. и Акад. собр. В. Аскоченск., т. I, д. № 35.

¹³⁾ Арх. Кіев. дух. консист., реестръ д. канцеляріи Кіев. митр. 1744 г. №№ 38, 41 и 44.

Бардиксимъ¹⁾, іерод. Арсенія Стойкова Тарбука²⁾, по даже подданныхъ Венеціанской республики (напр., Константина Секура³⁾).

Давая образованіе такому множеству православныхъ юношей, удерживая столькихъ изъ нихъ отъ поступленія въ латино-польскія учебныя заведенія, гдѣ за равноцѣнный свѣтъ знанія русскимъ людямъ почти всегда приходилось платить самымъ дорогимъ своимъ сокровищемъ—родною православною вѣрою. (Вся система латино-польскихъ учебныхъ заведеній въ отношеніи къ православнымъ ученикамъ въ томъ и состояла, чтобы обращать ихъ въ католичество; для этого тамъ всякій профессоръ до той поры „rozniemi sposobami męczył“ каждого православнаго своего ученика, его религію „zechizma uragał przekłętą; zbytęcznemi okkupacyami, pensami, y innymi sposobami aggrawował“ его и „toż samo y pan dyrektor czynił“ надъ нимъ, пока попавшіе въ подобное мучительство юноши, pudore, timore, dolore oppressi, volens—nolens не принимали католичество, лишь бы избавиться отъ несноснаго положенія⁴⁾), Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII вѣка этимъ самымъ, безспорно, принесла неоцѣнимую услугу православной церкви. Но заслуги Кіевской Академіи этимъ далеко не ограничиваются: онѣ величественны и въ другомъ отношеніи. Въ лицѣ своихъ питомцевъ первой половины XVIII вѣка Кіевская Академія дала Православной церкви множество просвѣщенныхъ по тому времени пастырей⁵⁾ и

¹⁾ Рукопись библ. Кіево-Михайловскаго мон. № 1710, л. 245—254, подъ № 54.

²⁾ Арх. Св. Синода, д. 1735 г., окт. 20, № 275; см. д. 1736 г., марта 26, № 212.

³⁾ Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., соб. В. Асоч., т. I, д. № 21.

⁴⁾ Такъ писалъ въ своемъ распоряженіи на рефлексію анонимнаго католическаго автора, составленную послѣднимъ по поводу жалобъ православныхъ Варшавскому сейму въ 1753 г. на притѣсненія католиковъ, Михаилъ Козачинскій, архимандритъ Слуцкаго монастыря. (Рисписъ этого имѣется у насъ).

⁵⁾ Напр., изъ 52 студентовъ, бывшихъ въ 1729 г. въ богословскомъ классѣ, уже въ 1734 году 16 было въ духовномъ санѣ. (Рукоп. библ. Иркут. дух.

архипастырей, съ цѣлымъ рядомъ между ними великихъ борцовъ за православіе съ католичествомъ, напр., архимандритовъ Слуцкаго монастыря—Іосифа Оранскаго, Михаила Казачинскаго, Досифея Галяховскаго, Давида Нащинскаго, настоятелей Виленскаго Свято-Духоваго монастыря—Амвросія Юшкевича, Сильвестра Добрину, Сильвестра Ляскоронскаго, бѣлорусскихъ епископовъ—Арсенія Берло, Іосифа Волчанскаго и особенно Георгія Кописскаго ¹⁾, которые за одно со своею alma mater совершали великое дѣло охраненія и защиты православія.

Влестяще выполняя такимъ путемъ свою православно-религіозную миссію, Кіевская Академія, будучи въ первой половинѣ XVIII вѣка высшимъ учебнымъ заведеніемъ въ Россіи, своими многочисленными учениками оказала и величайшую просвѣтительно-образовательную услугу нашему отечеству, пробудившемуся въ то время къ свѣту науки и знанія, и отчасти даже единовѣрнымъ намъ славянскимъ народамъ.

Лучшихъ учениковъ Академіи въ то время на расхватъ требовали всѣ концы Россійской имперіи.

Даже Московская Академія и Харьковскій коллегіумъ, поставленные въ болѣе благопріятныя условія существованія, чѣмъ Кіевская Академія,—и тѣ не могли обойтись въ учебномъ отношеніи безъ ея помощи и содѣйствія.

„Съ 1704 года до временъ Платона митрополита Московская Академія большею частью имѣла паставниковъ изъ Кіева,

семинаріи, № 4, л. 107 на оборотѣ; См. „Труды Кіев. духов. Акад.“, 1892 г., т. 3, стр. 308—309). И вообще значительная часть студентовъ Академіи всегда принимала зготъ санъ.

¹⁾ „Бѣлоруссія и Лятва“, изд. П. Н. Батюшкова, 1890 г., стр. 297. Свѣдѣнія о болѣе знаменитыхъ дѣятеляхъ, вышедшихъ изъ воспитанниковъ Кіевск. Академіи первой половины XVIII в., есть у В. Аскоченскаго въ его „Кіевъ съ древн. его училищемъ Академіею“. Разумѣется, эти свѣдѣнія должны быть пополнены и исправлены на основаніи документовъ, отчасти обнародованныхъ послѣ труда В. Аскоченскаго, а отчасти еще не изданныхъ

которые въ преподаваніи слѣдовали учебнымъ руководствамъ кievскимъ, и ввели въ жизнь Академіи порядки, изстари заведенные въ Кіевѣ, словомъ, сообщили ей свой духъ, свое направленіе“,—такъ говоритъ историкъ Московской Академіи С. Смирновъ¹⁾. На первыхъ порахъ для ускоренія образованія Московская Академія даже выписывала учениковъ изъ Кіевской. Такъ, 13 апрѣля 1702 г. туда уѣхали очевидно, по приглашенію м. Стефана Яворскаго²⁾, ученикъ философіи Іоасафъ Томиловичъ, ученикъ риторики Петр Стрепковскій, ученики міитики: Стефанъ Левандовскій, Іоанн Нагирнѣчевскій, Іоаннъ Прибиловичъ, ученикъ синтаксисм

¹⁾ „Исторія Москов. Слав.-Грек.-Латин. Академіи. Москва, 1856, стр. : Въ архивѣ Св. Синода, между прочимъ, въ дѣлѣ 1734 г., № 369/Б, являете на справку, сколько вызвано изъ Кіева, со времени учрежденія Св. Сино. ученыхъ монаховъ въ Московскую Академію. Тутъ указаны за 1721 г. *Герм. Концевичъ, Іеронимъ Копецкій, Софроній Милосевичъ, Іустинъ Рудзинецъ* за 1724 г. *Исаакій Хмарный, Іоаннъ Тимковский, Серафимъ Иллесвичъ*; 1727 г. *Инокентій Нероновичъ, Сильвестръ Шумскій, монахъ (вѣроят. Лука) Конашевичъ*, за 1732 г.—префектъ *Стефанъ Калиновскій*, учитель философіи *Антоній Кувшинскій*. (Въ архивѣ Кіево-Печерск. Лавры, въ 1-й связ дѣлъ, „въ вѣдомости сколько іеромонаховъ, іеродіаконовъ и монаховъ прош. 1732 по 1737 г. по апрѣль мѣсяцъ умерло и избыло въ великой Кіево-Печерской Лаврѣ и въ подсудныхъ къ той монастырѣхъ“, на л. 289 сказано, что іеромонахъ Антоній Кувчинскій взятъ, по синодальному указу, изъ Кіево-Печерск. Лавры въ Московскую Академію въ 1733 г.) и проповѣдникъ *Донисій Раскій*. Все это питомцы Кіевской Академіи. До 1721 г. точныхъ извѣстій о теляхъ изъ кіевлянъ въ Моск. Академіи нѣтъ почти. Знаемъ, напр., что 1709 г. по 1714 г. тамъ учительствовалъ питомецъ Кіев. Акад. іером. *Іоанн Богомодовскій*. (Моск. Арх. Мин. Иностр. Д., д. Малорос., 1714 г., № 1739 г. былъ вызванъ изъ Кіево-Печерск. Лавры въ Московскую Акад. воспитанникъ Кіев. Академіи, іеродіаконъ *Самуилъ Рубчаковский*. (Арх. К. Печерск. Лавры 1-я связка дѣлъ № 432). Другія указанія о лицахъ, вызванныхъ изъ Кіева въ Моск. Академію за время отъ 1721 по 1730 г., имѣются въ вѣдомости Моск. Акад., помѣщен. въ X томѣ „Описан. документ. и дѣлъ, хран. въ арх. Св. Пр. Синода“.

²⁾ „За повелѣнъмъ ближнихъ своихъ сродниковъ, тамъ при князяхъ, рахъ и вивхъ панахъ застающихъ и за писаніемъ учителей тамошнихъ слѣд. примѣч.).“

Аоанасій Корчевскій, и ученики грамматики: Василій Зборовскій, Григорій Павловскій, Илья Комаринскій и Іоаннъ Скринскій¹⁾. И въ позднѣйшее время часто вмѣстѣ съ учителями переходили изъ Кіевской Академіи въ Московскую и ученики; такъ, напр., въ 1733 году вмѣстѣ съ префектомъ Стефаномъ Калиновскимъ выбылъ туда, по окончаніи философіи, Григорій (впослѣдствіи кіевскій митрополитъ Гавріилъ) Кременецкій²⁾, въ 1736 г. положившій вмѣстѣ съ Андреємъ

¹⁾ Рукоп. библ. Кіево-Соф. собора, № 461, л. 384—385. Тутъ, въ числѣ упражненій, выписанъ, для подражанія, такой документъ (Patens imitationis causa):

„Всѣмъ обще еже о Христѣ православнымъ мира, здравія и долгоденствія отъ всемогущаго Владика Господа: при заличеніи паводинихъ услугъ и недостойныхъ молитвъ нашихъ узичивши, а особинне ихъ милостямъ П: паномъ властителемъ и всѣмъ всякого чину людямъ, а особинне ихъ милостямъ, которимъ о томъ вѣдати належить, на достоинствахъ такъ въ Малой, яко и въ великой Россіи застающимъ извѣстно творимъ, ижъ оказаніе писанія сего студенти Коллегуумъ нашего Кіево-Могилянскаго Братскаго, именно Іоанъ Томиловичъ зъ школы философіи, Петръ Стрешковскіи зъ школы Реторики, Стефанъ Левандовскій, Іоанъ Нагрибчевскій, Іоанъ Прибыловъ зъ школы поэтики; Афанасій Корчевскій зъ школы снatchesнны; Василій Зборовскій, Григорій Павловскій, Илья Комаринскій. Новѣи Скринскій зъ школы грамматики время немало въ цѣлченіи наукъ визволонныхъ во всемъ искусѣи и богодѣйственнѣи пребивши во всякихъ надлежащихъ до себѣ добродѣтелехъ и учтивостехъ заховуючихся отходяще за благословеніемъ всѣхъ насъ въ царствующій великій градъ Москву, то за повабомъ ближнихъ своихъ сродниковъ тамъ при князяхъ, боярахъ и иныхъ панахъ застающихъ и за писаніемъ учителей тамошнихъ, то аби удобнѣйшимъ способомъ могли достигнути наукъ болшихъ. Чесо ради яко о достойныхъ всякой вѣри звѣнменованныхъ младенцехъ не токмо должное воздаемъ свидѣтельство, но и о всемъ смиренно ласкъ вашихъ молитвуемъ, даби онии неждѣи воли и невозбранни билъ проходъ и милостивое во всемъ призрѣніе, яко страннимъ, било. Извѣстнѣйшаго же ради нишемихъ утвержденія соизволяхомъ дати имъ свидѣлствованное сие писаніе в вѣлою печатію министра вашего Братскаго Кіевскаго и подписаніемъ власной руки нашей утвержденное.

Року 1702 мѣа Априля дня 13.

Іоаннѣнтій Поповскій префектъ школъ Брацквѣхъ Кіевскихъ рукою власною“.

²⁾ Арх. Кіев. дух. консист., черновая замѣтка между дѣлами 1770 года. Эта замѣтка вошла въ составъ статьи о Кременецкомъ помѣщ. въ „Кіев. Епарх.

Степановичемъ Зертись-Каменскимъ, тоже ученикомъ Кіевской Академіи (завершившимъ свое образованіе во Львовской), начало прочному устройству С.-Петербургской Невской семинаріи ¹⁾.

Харьковскій коллегіумъ, основанный ученикомъ Кіевской Академіи, епископомъ Бѣлгородскимъ Епифаніемъ Тихорскимъ, въ изслѣдуемое нами время тоже почти всѣхъ своихъ начальниковъ и паставниковъ имѣлъ изъ питомцевъ Кіевской Академіи (напр., ректоровъ—Платона Малиновскаго ²⁾, Митрофана Слотвинскаго, префектовъ—Иларіона Григоровича, Кирилла Флоринскаго, Аоанасія Топольскаго, Стефана Витыпскаго и др.) ³⁾, перѣдко привлекая ихъ къ себѣ еще со студенческой скамьи для окончанія образованія

Вѣдом. 1899 г., № 2 Слѣд. Н. Стеллецкій (см. его „Харьковскій коллегіумъ до преобразованія его въ 1817 г.“, стр. 49—50) напрасно считаетъ Кременецкаго ученикомъ Харьковского коллегіума, гдѣ Кременецкій, по подробнымъ біографическимъ указаніямъ обозначенной нами замѣтки, никогда не былъ.

¹⁾ „Первоначальная исторія СІВ. Александро-Невской Академіи (1721—1740 г.)“ въ „Христіанскомъ чтеніи“ 1853 г., ч. 2, стр. 483—486. (Свѣдѣнія о Кременецкомъ и Зертись-Каменскомъ см. у В. Аскоченскаго, въ его „Кіевъ съ древн. его училищ. Академіею“, ч. 2, стр. 50 и 62). Зертись-Каменскій учился въ Кіев. Академіи съ 1720 по 1728 г.; затѣмъ, въ Польшѣ до 1733, и наконецъ, съ ноября 1733 по 1735 г. въ Москвѣ. (Арх. Св. Синода, д. 1734 г., № 369/Б.).

²⁾ Въ 1-й связи дѣлъ въ Архивѣ Кіево-Печерск. Лавры есть такое (неизвѣстное историкамъ Харьковской семинаріи) письмо (отъ 21 іюля 1728 г.) кн. Михаила Голицина къ Кіево-Печерскому архимандриту: „По прибытіи моемъ нынѣ въ Бѣлгородъ, просилъ меня преосвященный Епифаній, еп. Бѣлгородскій, къ вамъ о(бъ) инстанціи въ томъ, понеже надѣюсь и вашей превелебности не-

безызвѣстно, что начатая школа въ Харьковѣ уже приходитъ къ окончанію, гдѣ имѣть быти и экономиста, дабы васъ просить о присылкѣ къ той школѣ обрѣтающихся въ Свято-Печер. Кіев. Лаврѣ изъ трехъ персонъ кого вы за благо изберете: брата вашего, или Негребецкаго, или Платона Малиновскаго. Того ради и я Вашей превелебности, яко давняго моего благодѣтеля, прошу изъ оныхъ приказати отпрavitи, дабы та зачатая школа чрезъ и ваше стараніе не оставлена была, ибо вы не безызвѣстны, что при его катедрѣ способныхъ къ тому монаховъ не обрѣтается“.

³⁾ П. Стеллецкій „Харьковскій іумъ до преобразованія его въ 1817 г.“, стр. 27—28, 37—38.

уже въ немъ (въ числѣ такихъ, между прочимъ, можно отмѣтить Алексѣя въпослѣдствіи Кіевскаго митрополита Арсенія Могилянскаго, перешедшаго въ Харьковскій коллегіумъ въ 1727 г.) ¹⁾).

Что же касается другихъ учебныхъ заведеній („школы при архіерейскихъ домахъ“, коллегіумовъ, семинарій) того времени, то почти всѣ они, безъ исключенія, какъ возникшія до изданія Духовнаго Регламента, начиная съ Черниговскаго коллегіума, перваго отпрыска Кіевской Академіи ²⁾, такъ въ особенности послѣ него, обизавы были Кіев. Академіи и своимъ устройствомъ и своимъ учителями, которыхъ они всегда отсюда вызывали, испрашивая на это нерѣдко разрѣшенія у Св. Синода. Напр., 22 февраля 1727 года такое разрѣшеніе было дано вышеупомянутому Елифанію, еп. Бѣлгородскому ³⁾. 21 октября 1728 г. его получили только что возникшія Смоленскія „школы“, ⁴⁾, и уже 21 марта 1729 года въ Смоленскъ прибыли изъ Кіева окончившіе богословскій курсъ: Павелъ Маковецкій, Владиміръ Любарскій и Теодоръ Павловскій ⁵⁾. И во весь излѣдуемый нами періодъ требованія учителей въ Смоленскъ не прекращались; напр., въ 1738—1739 г. здѣсь изъ Кіева былъ учитель пѣтики Серапіонъ Лехницкій ⁶⁾, и еще въ это время были отправлены сюда, по требованію Смоленскаго епископа Гедеопа, Іоасафъ Гортинскій, Симеонъ (Сисой) Шмигельскій, Іоаннъ

¹⁾ Ibid., стр. 49.

²⁾ „Чернигов. Епарх. Вѣдомости“, 1870 г., № 20, Прибавл. „Первые годы существованія Чернигов. семинаріи“ Н. Докучаева, стр. 406 и далѣе.

³⁾ Полн. собраніе постановъ и распор. по вѣд. прав. испов. Росс. имп., т. V, № 1911.

⁴⁾ Ibid., т. VI, № 2178.

⁵⁾ Ibid., № 2212.

⁶⁾ Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Акад., собр. В. Асоченскимъ, т. I, стр. 97 (см. И. Сперанскаго „Очеркъ исторіи Смоленской дух. сем.“, Смоленскъ, 1892 г., стр. 26—30); Арх. Св. Синода, д. 1737 г., № 380, т. I, л. 209—318.

Скабовскій и Мелхиседекъ Богдановичъ ¹⁾); въ 1743 г.—былъ присланъ Титъ Русичевскій ²⁾); въ 1749 г.—Кондратъ Соколовскій и Петръ Скраговскій ³⁾); и въ 1750 г. нѣсколь-ко человекъ ⁴⁾), съ Мануиломъ Базилевичемъ ⁵⁾ во главѣ.

Разумѣется, снабжать своими питомцами учебныя заведе-нія, близкія разстояніемъ къ Кіеву (какъ Черниговскій и Харьковскій коллегіумы, Переяславскую семинарію ⁶⁾ и т. п.), Академіи было сравнительно легко: воспитанники ея ѣхали туда охотно. Труднѣе оказывалось уговаривать ихъ отпра-вляться „въ званіе учительское“ на дальній сѣверъ и за пре-дѣлы родной Руси. И тѣмъ не менѣе Академія всегда почти возбуждала въ нихъ полную готовность послужить великому дѣлу народнаго просвѣщенія и тамъ; они, оставляя свое смущеніе предъ дальнимъ краемъ и долгимъ путемъ усерд-но несли и туда свѣтъ пріобрѣтенной ими въ Академіи на-уки, озаряя имъ мракъ областей, жаждавшихъ и искавшихъ научнаго просвѣта.

Къ сожалѣнію, слишкомъ мало сохранилось точныхъ свѣдѣній о просвѣтительныхъ услугахъ со стороны Кіевской Академіи въ первой половинѣ ХVІІІ-го столѣтія сѣверу Рос-сіи и нѣкоторымъ славянскимъ государствамъ. Извѣстно, напр., что въ 1702 году нѣсколько студентовъ Академіи было послано въ Сибирь, по просьбѣ Филовея, митрополита сибирскаго и тобольскаго, для обученія въ тамошнихъ шко-

¹⁾ Ibid., д. д. №№ 7, 10 и 16 (Богдановичъ въ 1744—48 г.г. былъ стар-шимъ игуменомъ Виленскихъ монастырей).

²⁾ И. Сперанскій, стр. 28; см. выше, списокъ учителей.

³⁾ Архивъ Смоленской духов. консист., д. 1749 г., № 149.

⁴⁾ Акты Кіево-Брат. учил. мон. и Академіи, собр. В. Аскоченскимъ т. I, д. № 36

⁵⁾ Рубов. библ. Смоленской дух. семин., № 868; см. „Смолен. Епарх. Вѣдом.“ 1897 г., № 3, стр. 16.

⁶⁾ „Кіевская Старина“ 1888 г., № 10, „Ученики переяславской славяно-латинской школы“; см. Архивъ Кіевской дух. консист., д. 1746 г., 2 сентябр- (объ учителяхъ Симеонѣ Прокоповичѣ).

лахъ¹⁾; въ 1740 году снова было отправлено туда митроп. Рафаиломъ Заборовскимъ двое, по просьбѣ тобольскаго митроп. Никодима²⁾. Въ мартѣ 1736 года, по просьбѣ еп. Амвросія Юшкевича, былъ отправленъ въ *Вологду* студентъ Андрей (въ монашествѣ Ааронъ) Чайковский и др.³⁾. — 8 февраля 1733 г. былъ посланъ въ *Исковъ* изъ Кіево-Печерской Лавры воспитанникъ Кіевской Академіи іером. Варлаамъ Косачъ⁴⁾; 6-го іюня 1737 г. отпущенъ туда же студентъ богословія Григорій Андріевскій⁵⁾. Первымъ учителемъ семинаріи въ *Переяславѣ* Рязанскомъ въ 1728—29 г.г.

¹⁾ „Кіевская Старина“, 1893 г., сентябрь, документы, извѣстія и замѣтки, стр. 139, гдѣ говорится объ указѣ Петр. Вел. отъ 10 августа 1702 г. о пропускѣ лицъ, прѣѣзжавшихъ въ Кіевъ отъ митроп. Филофея за покупкою церковныхъ вещей и книгъ грамматическихъ „и для взятія изъ Кіева черныхъ монаховъ и спелавовъ и студентовъ“ (Ср. „Духовныя школы въ Россіи до реформы 1803 г.“. Зяменскаго, стр. 23—26).

²⁾ Арх. Кіев духовной конс. „Регистръ дѣлъ повѣту генералнаго, введенныхъ въ канцелярію Его Превосвященства, заведенный 1740 г. съ мѣсяца генваря“, гдѣ, подъ № 91, значится поступившимъ „писаніе митр. тобольскаго Никодима объ отпускѣ изъ Академіи Кіевской двоихъ учителейхъ какихъ студентовъ въ оную Тобольскую епархію для обученія школъ“, при чемъ сдѣлана помята: „отпущено подъ № 85 сего 1740 г.“.

³⁾ Вологод. Епарх. Вѣдом., 1865 г., стр. 304—5; см. Арх. Св. Пр. Синода д. 1734 г., № 369/В, гдѣ, въ просьбѣ Амвросія, еп. Вологодскаго, въ апрѣлѣ 1738 г., о разрѣшеніи постричь въ монашество Андрея Васильева Чайковского, говорится, что Чайковский (сынъ шляхетскій, родомъ изъ деревни Чайковцы, Самборскаго уѣзда, Польской націи) съ 1715 г. учился въ Львовѣ, „въ латинской школѣ, и послѣ оной, прошедъ прочія науки, слушалъ богословіе въ біевскихъ училищахъ и окончилъ подъ учителемъ Кіево-Печерскаго монастыря архимандритомъ Иларіономъ Негребецкимъ“.

⁴⁾ Арх. Кіево-Печер. Лавры, 1-я связка дѣлъ, „Вѣдомость, сколько іеромонаховъ и монаховъ прошлаго 1732 по 1737 г... умерло и избѣгло въ великой Кіево-Печер. Лаврѣ“. Тутъ, между прочимъ, сказано: 1733 г. февраля 8 іером. Митрофанъ Косачъ, по указу изъ Св. Синода, къ преосв. Варлааму, архіеп. Исков. и Нарвскому, для обученія дѣтей латинскаго языка отъѣхалъ“.

⁵⁾ Актъ Кіево-Братъ учил. мон. и Акад., собр. В. Аскоченскимъ, т. 1, д. № 6; см. Арх. Св. Пр. Синода, д. 1730 г., февр. 26, № 190, гдѣ есть указаніе, что Андріевскій въ Исковскихъ славяно-латин. школахъ учительствовалъ съ 1737 года.

былъ Кирьякъ Кондратовичъ¹⁾, состоявшій долгое время въ срединѣ ХУІІІ столѣтія переводчикомъ при Академіи Наукъ. Въ 1740 г. былъ посланъ въ *Рязань* „для обученія въ новоучрежденной тамошней Академіи школъ“ философъ Кондратій Григоровичъ²⁾. Въ 1741 г. высланъ въ *Новгородъ* Іаковъ Блонинцкій³⁾. Въ 1742 г. нѣсколько человекъ было отправлено въ *Вятку*⁴⁾. Въ 1743 году въ *семинарію*, заведенную въ 1742 году (по синодальному указу)⁵⁾ въ *Троице-Сергіевой Лаврѣ*, былъ посланъ іеродіаковъ Геласій Малиховскій⁶⁾; въ томъ же году и тамъ же былъ

¹⁾ См. подробныя свѣдѣнія о немъ въ „Библіографическихъ Запискахъ“ за 1858 г., № 8

²⁾ Арх. Кіев. дух. конс., Реестръ дѣлъ канцеляріи кіев. митроп. 1740 г., гдѣ подъ № 733 отъ 6 іюля, занесено „писаніе къ преосвящ. Рязанскому съ посылкою ученика школы философіи Кондрата Григоровича для обученія въ новоучрежденной тамошней Академіи школъ“, и подъ № 738 (отъ 7 іюля) обозначена выдача этому Григоровичу паспорта.

³⁾ С. Смирновъ. „Исторія Москов. Сл.-Гр.-Лат. Акад.“, стр. 220—221. (Въ 1743 г. Блонинцкій—онъ былъ іеромонахомъ Мгарскаго монастыря—отправленъ былъ въ Москву учить греческому языку Арх. Св. Пр. Синода д. 1746 г., іюля 21, № 296). Раньше былъ посланъ въ *Новгородъ* Иннокентій Мигалевъ, въ 1741—42 учеб. году состоявшій уже префектомъ и учителемъ пѣтушки въ Новгородской семинаріи (Арх. Св. Пр. Синода, д. 1737 г., № 380, т. IV). Позже, предъ 1749 годомъ, тамъ учительствовалъ воспитанникъ Кіевской Академіи *Иматій Чижкевичъ* (3 сентября 1749 г. письмомъ изъ Москвы Арсеній, архіеп. Переяславскій, просилъ архимандрита Кіево-Печерской Лавры прислать къ нему въ семинарію находившагося въ ту пору въ Печер. Лаврѣ Чижкевича, бывшаго учителемъ въ *Новгородѣ*. Письмо это см. въ архивѣ Кіево-Печер. Лавры, въ 1-й связкѣ бумагъ, л. 154. (На письмѣ помѣчено: „посланъ“). Тамъ же, л. 155, есть письмо того же архіепископа изъ Петербурга отъ 14 февраля 1750 г. къ Лавр. архим. съ благодарностью за присланнаго Чижкевича

⁴⁾ Арх. Кіев. дух. конс., реестръ дѣлъ канцел. Кіев. митроп. за 1742 г., гдѣ подъ № 1322 означено: „писаніе до преосвящ. епископа Вятскаго и Великопермскаго отвѣтное на требованіе изъ ученихъ Академіи Кіевскія людей“.

⁵⁾ Архивъ Св. Пр. Синода, д. 1742 г., авг. 31, № 589.

⁶⁾ Арсеній, еп. Переяславскій, письмами отъ 9 іюля 1743 г. и отъ 3 августа того же года къ архим. Кіево-Печер. Лавры просилъ выслать къ нему двухъ (хотя бы и мірскихъ) человекъ, годныхъ къ ученію риторическому и пѣтуиче-

учителемъ питомецъ Кіевской Академіи Симеонъ Ивановъ Метенскій¹⁾; въ 1749 г. посланъ былъ въ ту же семинарію Игнатій Чинкевичъ²⁾. Въ 1742 году посланъ былъ въ *Тверь* на учительство въ тамошней симинаріи вышеупомянутый Симеонъ Метенскій³⁾; въ 1746 г. въ этой семинаріи преподавалъ риторику іерод. Спиридонъ Лазаревичъ⁴⁾; тамъ же и въ томъ же году учительствовалъ іером. Порфирій

скому (см. 1-е письмо во 2-й и 2-е въ 1-й связкѣ бумагъ въ архивѣ Кіево-Печ. Лавры). Лаврскій архимандритъ отправилъ іеродіакона *Геласія Малоговскаго* (онъ—въ міръ Григорій—былъ шляхетскій сынъ изъ польскаго мѣстечка Паволоча; родился въ 1711 г., въ монашество постриженъ въ Кіево-Печ. Лаврѣ въ 1741 г.; *ibid.* 1-я связка, л. 679), „который въ Академіи Кіевской, философскаго ученія слушалъ“; обѣщая въ своемъ письмѣ прислать еще іером. Іоанникія Соколовича, „богословія слушавшаго“ (*ibid.*, 1-я связка лл. 116 и 117).

¹⁾ Въ Арх. Кіево-Печ. Лавры есть прошеніе Метенскаго (отъ 12 ноября 1743 г.) о постриженіи его въ монашество. Метенскій, какъ видно изъ этого прошенія (онъ въ прошеніи именуетъ себя Симеономъ Іоанновичемъ, имѣющимъ 32 года отъ роду. Метенскимъ называетъ его архимандритъ Троице-Сергіева монастыря Кирилъ въ паспортѣ, выданномъ 12 іюня 1743 г.), родился въ польскомъ городѣ Дрогобичѣ, съ молодыхъ лѣтъ обучался въ Кіев. Академіи, одинъ годъ слушалъ богословіе; затѣмъ, кіевскимъ митрополитомъ былъ посланъ въ *Тверскую семинарію* для обученія латынскаго діалекта, гдѣ обучалъ синтаксису и пѣстию въ 1742 г., а въ 1743 г. былъ названъ для заводу семинаріи въ Троице-Сергіев. монастырь, откуда и пріѣхалъ въ Кіевъ для постриженія въ монашество (1-я связка дѣл.).

²⁾ См. выше примѣчаніе къ рѣчи объ Іаковѣ Влодзницкомъ.

³⁾ См. выше.

⁴⁾ 26 октября 1746 г. намѣстникъ Кіево-Печ. Лавры на письмо (отъ 25 окт.) Кіев. митр. Тимофея Щербаткаго о высылкѣ изъ Лавры въ Академію, на учительство въ синтаксическомъ классѣ, іерод. Спиридона Лазаревича, отвѣтилъ, что „когда (было) объявлено (Лазаревичу о распоряженіи митрополита), то онъ (Лазаревичъ) представилъ, что онъ, бывши въ *Тверской Академіи* (сюда онъ былъ посланъ 8 марта 1746 г. Такъ мы думаемъ потому, что въ вѣдомости Кіево-Печ. Лавры за 1746 г.,—см. ее во 2-й связкѣ бумагъ въ Лаврскомъ архивѣ,—значится: „8 марта іерод. Спиридонъ посланъ въ *Тверь* учить риторику“) *давалъ риторику*, да я въ Москвѣ, въ Московской Академіи, въ перѣздъ его изъ Твери, оставивъ для преподаванія поэтики, и нынѣ де онъ здѣсь (въ Кіевской Академіи) риторику давать можетъ, а синтаксиса не можетъ“. (Архивъ Кіево-Печ. Лавры, 1-я связка бумагъ, л. 142 и 143).

Падуновскій ¹⁾). Въ 1749 г. отправленъ во *Владимир.* іером. Гедеонъ Новопольскій ²⁾).

Въ 1750 г. были посланы на учительство въ *Тверскую* семинарію монахъ Пахомій Кувѣчинскій (28 марта) и іерод. Иларіонъ Грабовіецкій (25 іюня) ³⁾.

Въ 1739 г. посланъ былъ въ *Коломну* іером. Никодимъ Родзѣнскій ⁴⁾).

14 января 1750 г., по просьбѣ еп. Луки Конашевича были посланы въ *Казань* богословы Оеодоръ Пгнатовичъ и Леонтій Кременецкій ⁵⁾). А сколько именъ питомцевъ Кіевской Академіи потрудившихся на пользу просвѣщенія в

¹⁾ Архивъ Кіево-Печер. Лавры, с 2-я связка бумагъ, вѣдомость 1746 г. гдѣ, между прочимъ, читаемъ: „іером. Константинъ Бродскій 17 июля посланъ въ Московскую Академію; іером. *Порфирій Падуновскій* 5 сентября посланъ въ учителя въ *Тверь*, по писъму Митрофана, архіепископа Тверского; 20 ноября Арсентій Пюнтиѣцкій, по синодальному указу къ мигром. Рафаилу, посланъ преподавать философію въ Покровскій *Харьковскій* монастырь“.

²⁾ Арх. Кіево Печер. Лавры. 1-я связка бумагъ, л. л. 149—151, г. есть писъмо (отъ 5 мая 1749 г.) Платона, еп. Владимірскаго, къ Лаврско архимандриту, съ просьбою выслать во Владимірь, „въ семинарію, вновь мною трудно заводимую“, хотя одного человека, и къ киев. губернатору о выдачѣ паспорта Гедеону Новопольскому, отправляющемуся въ Москву къ преосвященію Владимірскому.

³⁾ Архивъ Кіево-Печ. Лавры, 1-я связка бумагъ, л. л. 163—165 (писъ Митрофана, архіепа. Тверск. къ Кіево-Печерск. архим. отъ 20 янв. и 23 фев. 1750 г.; пометка на 1-мъ писъмѣ о высылкѣ Кувѣчинскаго; и паспортъ Грабовіецкому на проездъ въ Тверь).

⁴⁾ Архивъ Кіево-Печер. Лавры, 1-я связка бумагъ. Тутъ, въ запискахъ монаховъ, выбывшихъ въ 1739 г. изъ Лавры, читаемъ: „августа 17 іерод. Арсентій Пюнтиѣцкій, по указу, посланъ въ Смоленскъ въ тамошній латвискій шв. іерод. Самуилъ Рубчаковскій посланъ въ Москов. Академію; въ декабрь іером. Никодимъ Родзѣнскій, по указу, посланъ въ Коломну; см. л. 432.“

⁵⁾ Архивъ Кіев. дух. конс., д. 1750 г., № 7. Раньше въ *Казани* учились бывали студенты Кіев. Академіи, напр., въ 1738 г.—Василій (изъ монастыря Веняминъ) Григоровичъ и Стефанъ Главацкій (Арх. Св. Синода, д. 1737 № 380, т. I, вѣдомость о Казанской семинаріи); около 1741—2 г. Филипп Скаловскій (ibid., д. 1741 г., декаб. 28, № 512); въ 1751 г. туда были посланы окончившіе въ 1748 г. Академію Филиппъ Ядрило и Григорій Халчанскій (ibid.

разныхъ мѣстахъ нашего отечества, скрыто временемъ, мало разобранными и не обнародованными документальными памятниками первой половины XVIII столѣтія!¹⁾...

Еще менѣе мы можемъ сказать о питомцахъ Кіевской Академіи того времени, которые заносили сѣмена ея просвѣщенія къ родственнымъ намъ славянскимъ племенамъ. На первыхъ порахъ, послѣ приглашенія ихъ, напр., въ Сербію въ 1721 г. тамошнимъ митрополитомъ Моисеемъ Пегровичемъ, они не рѣшались (конечно, по уважительнымъ матеріальнымъ причинамъ) отправляться на далекую чужбину²⁾, но, затѣмъ, вѣроятно, успокоенные въ своихъ тревогахъ, ѣхали гуда уже не безъ удовольствія, въ сознаніи величій предстоявшаго имъ дѣла. Изъ такихъ просвѣтителей извѣстны пока Михаилъ Козачинскій и Петръ Падуновскій съ нѣсколькими еще студентами³⁾, отправленные въ Сербію, для заведенія тамъ училищъ, митроп. Заборовскимъ, по просьбѣ

¹⁾ Нѣкоторые свѣдѣнія о питомцахъ Кіевской Академіи первой половины XVIII столѣтія, потрудившихся въ разныхъ мѣстахъ Россіи на школьномъ поприщѣ, можно найти въ трудахъ Знаменскаго („Духовныя школы въ Россіи до реформы 1803 г.“), Пекарскаго („Наука и литература при Петрѣ Великомъ“), И. Чистовича („О Прокопоницѣ и его время“), и въ специальныхъ исторіяхъ духовныхъ семинарій и академій.

²⁾ Полное собраніе постановъ и распоряж. по вѣдом. правосл. испов. Росс. имперіи, т. II, № 610, стр. 271 и д.

³⁾ См. принадлежащее намъ письмо Мануила Козачинскаго къ митр. Заборовскому изъ Карловцевъ отъ 22 августа 1735 г. Тутъ Козачинскій подписанъ префектомъ славяно-латинскихъ Карловѣцкихъ школъ, а Петръ Падуновскій учителемъ піитики и сінтаксиса. См. свѣдѣнія о Козачинскомъ въ статьѣ „записка (у краткомъ изводѣ) изъ рукописнои кнѣжки Іоанна Райча, архимандрита, подъ именемъ: Точноз изображеніе катихизма“.. (напечатанной въ сербскомъ альманахѣ „Госеубица“ за 1840-й г., ч. 1, отд. 1, гл. 6, стр. 5 и 6). Въ бытность свою въ Карловцахъ М. Козачинскій, между прочимъ, написалъ (по обязанности профессора) въ 1733 г.: „Трагедію сирѣчь печальную похвѣсть о смерти послѣдняго царя сербскаго Уроша лятаго и о паденія сербскаго царства“. (Она была издана въ Сербіи въ 1798 г. Іованомъ Райчемъ; у насъ она напечатана профессоромъ А. И. Соболевскимъ въ XVI книгѣ „Чтеній Историческаго общества Нестора-Лѣтописца“, и отдѣльными оттисками, Кіевъ, 1901 г.

сербскаго епископа Викентія Іовановича (Свядновича) въ 1733 году ¹⁾, и потрудившіеся тамъ нѣсколько лѣтъ ²⁾. (О другихъ же, подобныхъ имъ и даже вмѣстѣ съ ними работавшихъ ³⁾ на пользу славянъ, студентахъ Кіевской Академіи того періода ничего неизвѣстно; неизвѣстны и ихъ имена, кромѣ одного—Симсона Тодорскаго, 1½ года состоявшаго учителемъ у венгерскихъ грековъ. (сколо 1737—8 г.г.) ⁴⁾...

Такъ щедро распространявшая лучи своего просвѣщенія на всѣхъ, искавшихъ его, Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія, нужно замѣтить, никогда не закрывала своихъ дверей для такихъ воспитанниковъ, которые съ малымъ успѣхомъ или съ недостаточнымъ усердіемъ усвоили сообщавшіяся имъ ею познанія. Предписаніе инструкціи митр. Рафаила Заборовскаго увольнять изъ Академіи учениковъ, оказывающихся до того тупоумными, что отъ нихъ никакой пользы не можетъ ожидать ни церковь, ни отечество ⁵⁾, едва-ли имѣло у нея свою силу. По крайней мѣрѣ, частіямъ (напр., въ приводимомъ нами въ X приложеніи къ настоящему изслѣдованію отрывкѣ изъ вѣдомости 1736-го года, отзывѣ Георгія Конисскаго объ успѣхахъ Іоанна Вышневскаго ⁶⁾, и др.) аттестаціи многихъ воспитан-

Въ дѣлѣ архива Св. Пр. Синода 1736 г. марта 26, № 212 есть показаніе сербскаго іеродіака. Арсенія (учившагося въ 1736—36 г. въ Кіев. Академіи), что онъ, по порученію бѣлградскаго митрополита Викентія Іовановича, уѣзжалъ изъ Кіева въ Сербію 25 авг., 1733 г., „поднявъ съ собою самовольно пожелавшихъ ѣхать въ Сербію для ученія латинскаго языка людей въ кіевскихъ школахъ, именно: Мануила (мірское имя) Козачинскаго, слышателя богословія; и Петра Падунювскаго, слышателя философіи, съ прочими студентами“:

¹⁾ Арх. Св. Синода, д. 1736 г., марта 26, № 212. Сн. соч. Дмитрія Гуваравъ, у Земуну, 1886 г., стр. 12—45

²⁾ Ibid., см. Акты Кіево-Брат. училищ. мон. и Акад. т. 1, д. № 23.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ См. VIII-е приложеніе къ нашему изслѣдованію.

⁵⁾ Пунктъ X, см. у В. Аскочевскаго, т. 2, стр. 105.

⁶⁾ См. I-ю главу настоящаго изслѣдованія.

Труды Кіевск. дух. Акад. Т. II. 1903 г.

никовъ, что они ученія „лѣниваго“, „худаго“, и даже „безнадежнаго“, что иной изъ нихъ „прилежности въ ученіи никакой не показалъ“ ¹⁾, — даютъ основаніе считать это предписаніе не исполнявшимся и думать, что Академія была довольно снисходительною къ своимъ малоуспѣвающимъ ученикамъ.

Большею частью студенты оставляли Академію сами или по болѣзни ²⁾; или вслѣдствіе матеріальной безпомощности ³⁾, или, вполнѣ возмужавъ, по влеченію къ самостоятельно-семейной жизни ⁴⁾; или же по другимъ обстоятельствамъ, и чаще всего—пріискивая себѣ должности въ гражданскомъ вѣдомствѣ ⁵⁾, болѣе заманчивомъ по своимъ матеріальнымъ выгодамъ, чѣмъ духовная служба того времени (Поэтому студенты, не имѣвшіе служить по духовному вѣдомству, преимущественно бросали Академію, прослушавши пѣтику и риторику). Академія же исключала только такихъ изъ своихъ студентовъ, которые совершали непереносимыя усклоненія отъ исполненія ея нравственно-воспитательныхъ требованій.

Д. Вишневскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Архивъ. Кіев. дух. конс. д. 1750 г., № 151.

²⁾ Ibid. реестръ 1715, № 24, гдѣ отъ 25 февраля записано поступившимъ прошеніе ритора Василія Березовскаго „о увольненіи его отъ ученій латинскихъ за болѣзнь“.

³⁾ См. выше. Къ числу такихъ относится, вѣроятно, *absentes cito a schola* (пѣтики) *medietate Februarii* (1737 г.) Андрей Козачинскій, Евстратій Барановичъ, Іоаннъ Росѣнскій старшій и Іаковъ Росѣнскій (рукоп. библи. Кіево-Михайлов. мон., № 1710, л. 166); и много другихъ.

⁴⁾ Арх. Кіев. дух. конс. д. № 179, въ которомъ Петръ Ямницкій, учившійся въ Академіи съ 1746 по 1750 г. и дошедшій до философіи, пишетъ въ прошеніи митрополиту, что онъ—Ямницкій „съ принужденія родителей, зъ двиную бракомъ сочетался“.

⁵⁾ Архивъ Кіев. дух. консист., д. 1749 г., № 135 и мн. др.